II 48
Б-82

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ

ВОЕННЫЯ ПОВѢСТІЯ

(Сборникъ статей по древней русской военной исторіи)

В. Борисовъ,

Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ.

Фунд. биб-ка Воен. Мор. Акад. РККА
им. К. ВОРОШИЛОВА

ВЫПУСКЪ I.

Просьба ко всѣмъ офицерамъ нашей арміи: поработать по отысканію въ мѣстахъ расположенія войсковыхъ частей и управленій памятниковъ военной славы нашихъ предковъ, какъ-то городковъ, урочищъ, кургановъ, валовъ, могильниковъ; все это поможетъ осмыслить многія военныя событія, и выяснитъ ихъ характерныя особенности.

С.-Петербургъ.
Типографія Т-ва «Свѣтъ», Невскій 136.
1908.

ф 111 091

Д 18 23950

12

2

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ
ВОЕННЫЯ ПОВѢСТІЯ

(Сборникъ статей по древней русской военной исторіи)

[illegible],
Генеральнаго Штаба генералъ-майоръ.

Выпускъ I.

Просьба ко всѣмъ [illegible] [illegible]

С.-Петербургъ.
Типографія [illegible]
[illegible]

[illegible]

P 111 091

II Дб 25956
Б-82

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ВОЕННЫЯ ПОВѢСТІЯ

(Сборникъ статей по древней русской военной исторіи)

В. Борисовъ,
Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ.

ВЫПУСКЪ I.

Просьба ко всѣмъ офицерамъ нашей арміи: поработать по отысканію въ мѣстахъ расположенія войсковыхъ частей и управленій памятниковъ военной славы нашихъ предковъ, какъ-то городковъ, урочищъ, кургановъ, валовъ, могильниковъ; все это поможетъ осмыслить многія военныя событія, и выяснить ихъ характерныя особенности.

Инв. 17998 ф 111091

С.-Петербургъ.
Типографія Т-ва „Свѣтъ", Невскій 136.
1908.

Военно-Морская Академия В.М.Ф.
12537

II Д 53

ВМА

1951

СЛАВНОМУ РУССКОМУ ВОИНСТВУ,

съ глубокою любовью,
посвящаетъ свой трудъ о „прадѣдней славѣ русичей“
Вячеславъ Борисовъ.

«То бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцѣхъ нашихъ.»

(Изъ письма Владимира Мономаха къ Олегу Святославичу въ 1097 г.)

На ту землю свѣтло-русскую,
На тѣ поля, рѣки широкія,
На тѣ высоки терема, златоверхіе...
Заростали лѣса темные
По святой землѣ свѣтло-русской,
Раскидалися лѣса дремучіе
По крутымъ горамъ, по высокіимъ...
Разсыпалися горы высокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Становилися холмы широкіе
По степямъ, полямъ зеленыимъ...

Протекали моря глубокія
По всей землѣ свѣтло-русской,
Пробѣгали рѣки широкія
Отъ востока да и до запада...
Заселялися звѣри могучіе
По всей землѣ свѣтло-русской,
Плодилися звѣри могучіе
По степямъ, полямъ безъ числа...

(Древнее сказаніе).

Слава Богу на небѣ,
Слава.
Государю нашему на сей землѣ,
Слава.
Чтобъ нашему Государю не старѣться,
Слава.
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава.
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава.
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава.

(Сахаровъ. Сказанія русскаго народа. Спб. 1837, II, 137).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Благословите, братцы, старину сказать.
„Какъ-бы старину стародавнюю“...

(*Древ. рус. стихотв.*).

Здѣсь, въ главѣ VIII, мы намѣчаемъ вопросъ о древнерусскомъ вооруженіи по барельефамъ римской колонны императора Траяна. Не есть-ли нынѣшняя юго-западная часть Трансильваніи ДРЕВНЯЯ РУСЬ? Не древніе-ли мы даки, дажди, даци, Даждь - бога внуки, какъ говоритъ Слово о полку Игоревѣ? Не есть-ли мы древніе геты, готы, готфы, гатырцы, агатырцы Геродота? Не древняя-ли наша столица нынѣшній Хатцегъ, Гатцегъ, Гочингъ, древняя Цармизегетуза, Царь-мѣсто-Гета, Царь-градъ-Гетовъ? Не здѣсь ли корень нашихъ пѣсенъ и сказокъ? Музеи Пешта, Вѣны хранятъ памятники не нашихъ-ли предковъ, подъ именемъ дакскихъ находокъ? Не есть-ли Атила, Гатила, Гетила, нашъ древній вождь? Не дрались-ли мы на Каталаунскомъ полѣ за наше государственное могущество?

Какая связь литовскихъ словъ „унарасъ“, „гудасъ“, по нашему означающихъ „славу“, „честь“, со словомъ „славянинъ“, „гуннъ“, „уннъ“, „готъ“, „гетъ“? Литовскаго слова „валдимирасъ“, означающаго „владыку“, „властелина“, съ нашимъ именемъ „Владимира“? Литовскаго „варавотисъ“, венгерскаго „варъ“, нашего лѣтописнаго „варягъ“, съ указаніемъ лѣтописи, что варягами были свеи, урмяне *), готе,

*) Урмяне, по Венелину (*Сербскія пѣсни*), румилійцы, Урменлія—нынѣшняя Румилія.

русь, англяне, галичане, волохове, римляне, нѣмцы, корлязи, венедици, фрягове, и прочіи, что варяги сидятъ по Варяжскому морю на востокъ до предѣла Симова, на западъ до земли агалянскія и волошскія?

Не изъ такого-ли прошлаго все величіе нашей древней военной исторіи, духъ непобѣдимости нашихъ древнихъ полководцевъ — великихъ князей? Не отсюда-ли воинственность нашего русскаго солдата, незнающаго пораженій? Не отсюда-ли стремленіе къ уничтоженію и поглощенію своего врага, стремленіе проходящее красною нитью черезъ всю нашу исторію, пока она была русскою? Не отсюда-ли увѣренность великаго князя Изяслава, передъ битвой при Перемышлѣ, въ 1152 г.: „Братья и дружино! Богъ всегда рускыя земле и рускихъ сыновъ въ безчестьи не положилъ есть, на всихъ мѣстѣхъ честь свою взимали суть. Нынѣ же, братье, ревнуимы тому вси, у сихъ земляхъ и передъ чюжимы языкы дай ны Богъ честь свою взяти".

Наше происхожденіе отъ гето-даковъ объединитъ насъ съ наслѣдіемъ Гетилы—Атилы, и укажетъ пути для новыхъ завоеваній въ Прикарпатьи и Подунавьи, съ цѣлью „передъ чюжимы языкы честь свою взяти".

Если, по провѣркѣ русскими людьми науки, окажется, что высказанное нами есть близкій къ истинѣ лучъ свѣта въ тьму нашей древней русской жизни, то тѣмъ съ большею ревностью преподносимъ мы нашъ трудъ нашимъ ратнымъ товарищамъ.

Вышедшій въ нынѣшнемъ году трудъ Вильгельмса, Русь Великая или Руй—Бель, часть I. Спб. 1908 г., не противорѣчитъ нашимъ выводамъ. Онъ говоритъ: „при этомъ изученіи обнаружилось, что такъ называемый норунскій языкъ (норрена) въ своей древней, неискаженной формѣ, былъ тотъ же русско-славянскій языкъ". Мы можемъ здѣсь напомнить слова нашего лѣтописца: „нарицаемѣи норци, иже суть словенѣ (Ипат. 3)". Можно думать, что напоръ римлянъ вытѣснилъ даковъ въ Черниговскую губернію, то такой же напоръ, за нѣсколько столѣтій раньше, выселилъ

нориковъ, изъ нынѣшней страны Клагенфуртъ—Вѣна, на сѣверъ, на Балтійское море, куда они и внесли свою культуру.

Душою отдаваясь русской жизни, хотѣлось бы подчеркнуть, что волею судебъ, въ столицѣ Руси, въ С.-Петербургѣ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ, хранится большой бюстъ, найденный въ 1855 г., около форума Траяна въ Римѣ. По всей видимости это Децебалъ (Frochner, VII) или Дацибалъ, Даждьбалъ, Даждьбогъ, древнѣйшій русскій царь.

В. Борисовъ.

---

* * *

Ай братре, ай сѣры врхъ (верхъ, гора)!
Бози ны тамо витезствемъ (побѣдой) дарили!
Тамо и веле (много) душъ тека (летаютъ) семо
тамо по древехъ;
[redacted]ь бойе се (боятся) птачство (птицы) и плашн
звѣрь (полошиться, пугливый);
Едно совы не бойя се.

* * *

Тамо къ врху погребатъ мрхъ (трупъ),
И дать покрмъ (жертву) Боговомъ,
И тамо Богомъ-Спасамъ дать мноствіе обѣты,
А имъ глашать милыхъ словъ,
И имъ оружье побитыхъ враговъ!

* * *

(Пѣсня XII-го вѣка на чешскомъ языкѣ о Забоѣ, Славоѣ и Людикѣ, изъ Краледворской (Кенигингофъ) рукописи).

ВВЕДЕНІЕ.

„Землю отецъ своихъ и дѣдъ[illegible] иже налѣзоша трудомъ великимъ". Слова Ярослава Мудраго при смерти въ 1054 г.

Начавъ изучать русскую лѣтопись въ ея различныхъ спискахъ для продолженія нашихъ трудовъ по полководческому искусству, съ цѣлью уяснить себѣ русскій военный языкъ нашихъ предковъ, мы невольно увлеклись тѣмъ обширнымъ военнымъ богатствомъ, которое, противъ всякаго ожиданія, оказалось сохранившимся въ нашихъ лѣтописяхъ. Наши основные исторіографы, — Карамзинъ, Соловьевъ, и спеціально по военной части Голицынъ,— не обращали особаго вниманія на условія военнаго событія, на обстановку, во многихъ случаяхъ понятную только военному спеціалисту, выбрасывали затруднявшее ихъ мѣстное названіе, требовавшее изслѣдованія на мѣстѣ или по подробнымъ картамъ, а потому и обезцвѣтили иныя военныя дѣйствія. Между тѣмъ, нѣкоторыя мѣста лѣтописи видимо писаны монахомъ-воиномъ или со словъ участника военнаго событія, настолько въ повѣствованіи слышенъ слогъ воеводы. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ Ипатскій (Волынскій) списокъ лѣтописи, которому мы и обязаны сохраненіемъ подробностей о походахъ нашего древняго великаго полководца, Изяслава Мстиславича, 1146—1154 гг.

Мы рѣшились изученное обработать подобно нашему изслѣдованію о Суворовскихъ поляхъ сраженій, т. е. соста-

вить планы и карты древнихъ битвъ, пользуясь новѣйшими съемками, и изложить текстъ по разнымъ спискамъ лѣтописи, сохраняя гдѣ нужно слогъ и выраженія лѣтописца, съ цѣлью, во-первыхъ, дать возможность читателю провѣрить наше объясненіе обстановки событія, во-вторыхъ, дать матеріалъ для самостоятельнаго изслѣдованія на самой мѣстности, если это военное событіе неуяснено нами за недостаткомъ мѣстныхъ подробностей, и въ третьихъ, потому, что лѣтопись представляетъ хорошій урокъ русскаго языка, а это не безполезно при нашей такъ называемой „стратегической терминологіи“, до того утратившей нашъ военный языкъ, что можно подумать, что наши предки совсѣмъ не воевали, и военному искусству научились отъ нѣмцевъ. Между тѣмъ, въ 1229 г. польскій Кондратъ „любяще русскій бой“, понуждалъ къ нему своихъ поляковъ.

Вторая изъ вышеизложенныхъ цѣлей поведетъ несомнѣнно къ уясненію и сохраненію раскиданныхъ по всей нашей обширной свѣтлорусской землѣ безчисленныхъ памятниковъ военной славы нашихъ предковъ. Вотъ это то и побуждаетъ насъ обратиться съ искреннею просьбою ко всѣмъ офицерамъ нашей арміи не оставить безъ вниманія тѣ памятники нашей древней военной славы, которые находятся въ окрестностяхъ ихъ жительства, и или самимъ напечатать свои изысканія, или же прислать намъ, по возможности съ чертежами, или же просто указать вкратцѣ на памятникъ. Сущность работы въ слѣдующемъ: живущій близко отъ какого либо поля сраженія, или иного военнаго дѣйствія, изучитъ ходъ событія, мѣстность, обстановку, и можетъ быть послѣ этого найдетъ на полѣ какой либо слѣдъ, въ видѣ валовъ, могилъ, кургановъ, дорогъ, названій урочищъ, преданій, легендъ, названій, сохранившихся на старыхъ межевыхъ картахъ, памяти о нахожденіи въ прежнее время какихъ либо вещей, оружія, костей и т. д., въ какомъ либо мѣстѣ поля. Не надо забывать, что о многихъ памятникахъ въ лѣтописяхъ и въ преданіяхъ не сохранилось никакого намека, но изученіе этихъ памятниковъ можетъ, если и не возстановить самое событіе,

то во всякомъ случаѣ уяснить или подчеркнуть древнее значеніе мѣстности въ военномъ отношеніи.

Великій Суворовъ въ чтеніи древней военной исторіи видѣлъ средство для возбужденія къ мужеству, и для возвышенія духа. Тѣмъ болѣе эта цѣль достигнется при изслѣдованіи своей родной военной старины.

В. Борисовъ.

11 Декабря 1907 г.

Адресъ: С.-Петербургъ. Главное Управленіе Генеральнаго Штаба 2-й оберъ-квартирмейстеръ, Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ
Вячеславъ Евстафьевичъ Борисовъ.

* * *

Въ 1899 г. печаталось, какъ приложеніе къ Варшавскому Военному Журналу, издававшемуся Штабомъ Варшавскаго военнаго округа.

В. Борисовъ. Изслѣдованіе Суворовскихъ полей сраженій въ предѣлахъ нынѣшняго Варшавскаго военнаго округа. Составлено по порученію генералъ-лейтенанта А. К. Пузыревскаго.

Этотъ трудъ вновь выпущенъ редакціею Варшавскаго Военнаго Журнала въ 1900 г., въ составѣ юбилейнаго „Суворовскаго Сборника“, съ приложеніемъ особаго „Альбома Суворовскихъ полей сраженій“, содержащаго исполненныя въ Парижѣ копіи съ фотографическихъ снимковъ на самыхъ поляхъ сраженій капитана Харкевича.

ГЛАВА I.

Набросокъ о древнемъ русскомъ военномъ искусствѣ.

„Крѣпка рать воеводою".

(Даль., I, 292).

„Промышляти о всемъ по нашему (царскому) наказу и смотря по тамошнему дѣлу, какъ васъ (воеводъ) Богъ вразумитъ".

(Разрядн. книги, II, 26).

Здѣсь наша задача—изъ крупинокъ военныхъ извѣстій, сохранившихся въ далеко еще непзученныхъ лѣтописяхъ,—выяснить основы русскаго боевого порядка. Эта именно часть нашего труда могла бы быть изложена въ концѣ всего изслѣдованія о русскихъ походахъ, но мы считаемъ необходимымъ для предпринятаго нами дѣла теперь же набросать, намѣтить русскій боевой порядокъ, ибо безъ него мы не можемъ составлять плановъ боевыхъ столкновеній. Мы думаемъ, что послѣдующія работы, какъ наши, такъ и сочувствующихъ нашей цѣли офицеровъ, могутъ измѣнить нѣкоторыя подробности въ устанавливаемомъ нами теперь боевомъ порядкѣ, общія же черты его останутся безъ перемѣны. Здѣсь лишь канва будущаго сочиненія о русскомъ военномъ искусствѣ.

Тѣ многочисленные выводы яко бы о военномъ искусствѣ руси, которые дѣлаются нѣкоторыми нашими историками-

невоенными, поражаютъ своею категоричностью, недопускающею возраженій; недаромъ Наполеонъ сказалъ, что самый ярый критикъ поведенія полководцевъ въ сраженіи—это учитель исторіи. Эти выводы таковы: русь была пѣшій народъ, русь была конный народъ, русь унаслѣдовала отъ скандинавовъ искусство мореплаванія, русь была земледѣльческій или кочевой народъ, русь дралась только мечами, или такимъ-то оружіемъ, а инымъ будто бы и не владѣла, и т. п. Во всѣхъ этихъ выводахъ не приняты во вниманіе обширность Россіи, разнообразіе ея страны, климата, стремленія жителей. Мирный подъ охраной полицейскихъ въ Европейской Россіи ярославецъ становится въ Сибири звѣремъ, когда въ тайгѣ каждый звѣрь и каждый человѣкъ можетъ его растерзать, и ни на чью защиту онъ надѣяться не можетъ. Русь-горожанинъ—исключительная пѣхота, на югѣ, въ степяхъ, превратился въ конника отъ природы. Одно „Слово о полку Игоревѣ“ разсказываетъ намъ объ острыхъ мечахъ и червленыхъ щитахъ около Гродно, о златыхъ шеломахъ, сулицахъ ляцкихъ и щитахъ, и острыхъ стрѣлахъ около Бреста, Дрогичина, Турова и Луцка, о желѣзныхъ полкахъ, горцахъ безъ щитовъ съ засапожниками у Галича, о желѣзныхъ папорзяхъ подъ шеломы латинскими, мечахъ харалужныхъ на Волыни, о злаченыхъ шеломахъ у Смоленска, Овруча, о мечахъ харалужныхъ у Кіева, о лукахъ, сабляхъ, копьяхъ харалужныхъ, шлемахъ, щитахъ червленыхъ, трубахъ около Чернигова и Курска, о шеломахъ, шереширахъ у Суздаля, упоминаетъ также о шеломахъ аварскихъ и сабляхъ половецкихъ, несомнѣнно входившихъ въ вооруженіе руси.

Изъ ряда изученныхъ нами древне-русскихъ сраженій видно, что русскіе князья бились впереди своихъ ратей. Это стремленіе князей къ рукопашному бою, вполнѣ раздѣляемое и ихъ боевыми сотоварищами, выразилось въ названіи, какъ мы уже говорили, „русскій бой“: напр. въ лѣтописи (Ипат.) подъ 1229 г. говорится, что „Кондрату же любящу русскій бой и понужающу ляхы свое, онимъ же одинако не хотящимъ“, „князь же Кондратъ нача ѣздя молвити: братья моя милая руси! потягните за одино сердце!

и тако полѣзоша подъ заборола". Отсюда ясна сущность русскаго боя и до нынѣ сохранившаго стремленіе къ свалочному удару, т. е. въ штыки, стремленіе, которымъ римская пѣхота создала великую римскую имперію.

При такихъ основахъ боя и выработался русскій боевой порядокъ. Въ важнѣйшемъ мѣстѣ боевого порядка становился князь; по бокамъ его и сзади становились надежнѣйшіе бойцы; въ этомъ случаѣ князь не могъ быть лицепріятенъ, не могъ быть слишкомъ внимателенъ къ родовитости, къ угодливости, ибо вопросъ шелъ о его собственной безопасности въ свалкѣ, ненадежный въ боевомъ смыслѣ товарищъ могъ его и не защитить отъ удара въ спину, въ бокъ. Но такое положеніе при особѣ князя въ древней Руси было въ высшей степени почетно, и конечно не потому, что особа князя была священна, это уже выдумано позже, а потому что прямо указывало на высокія боевыя качества избраннаго. Крайне важныя указанія о степени почетности расположенія этихъ лицъ около князя, а равно о ихъ вооруженіи, а отсюда и объ основной единицѣ боевого порядка, даютъ разрядныя книги. Самая ожесточенность споровъ о мѣстахъ служитъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ древности правилъ о мѣстахъ: въ позднѣйшее время они сдѣлались святыней, ими хотѣлъ каждый обладать, не справляясь удовлетворяетъ ли онъ по личнымъ качествамъ искомому мѣсту; въ древности же его можетъ быть просто осмѣяли бы за самомнѣніе.

Изъ разсмотрѣнныхъ нами разрядныхъ дѣлъ мы выводимъ 15 основныхъ положеній, примѣняемыхъ при назначеніи на должности въ древне-русской рати:

1. Правой руки другой воевода передового и сторожевого полковъ другихъ воеводъ больше мѣстомъ.

2. Правой руки другой воевода лѣвой руки другого воеводы больше двумя мѣсты.

3. Сторожеваго и передоваго полку первой воевода больше въ большомъ полку другаго воеводы мѣстомъ.

4. Сторожеваго и передоваго полку первой воевода другихъ воеводъ въ сторожевомъ и передовомъ полку больше

двумя мѣсты (этотъ пунктъ не вполнѣ подходитъ къ прочимъ).

5. Лѣвой руки первой воевода въ большомъ полку другаго воеводы больше мѣстомъ.

6. Лѣвой руки первой воевода правой руки другаго воеводы больше двумя мѣсты.

7. Лѣвой руки первой воевода передоваго и сторожеваго полку другихъ воеводъ больше тремя мѣсты.

8. Лѣвой руки первой воевода лѣвыя руки другаго воеводы больше четырьмя мѣсты.

9. „Уложенье старое“: передоваго и сторожеваго полкамъ мѣстъ нѣтъ (но по общественному мнѣнію: передовой выше сторожеваго).

10. А большой полкъ, правой и лѣвой рукъ, по мѣстамъ.

11. А большаго полку другому воеводѣ до передоваго и до сторожеваго полку до первыхъ воеводъ дѣла нѣтъ (и до правой и до лѣвой руки; это позднѣйшая поправка).

12. Передовой и сторожевой полки меньше одного (перваго) въ большомъ полку воеводы (это поправка Іоанна IV), а до правой и до лѣвой рукъ и до другаго воеводы въ большомъ полку дѣла нѣтъ.

13. А съ тѣми безъ мѣстъ, кто съ кѣмъ въ одномъ полку посланъ, тотъ того и меньше (поправка Іоанна IV).

14. А воеводъ государь прибираетъ, разсуждая ихъ отечество, и кто того дородился, и кто можетъ ратной обычай содержати (поправка Іоанна IV).

15. Сторожеваго полку большой больше лѣвой руки большаго.

Чтобы понять эти, уже забытыя нами, древнія формы, мы назовемъ воеводъ нынѣшними ломанными нѣмецкими названіями, въ томъ порядкѣ старшинства, въ какомъ они выше намѣчены по мѣстамъ. Выйдетъ, что въ большомъ полку первый воевода генералъ-отъ-инфантеріи, другой воевода—полковникъ, въ правой рукѣ—первый, генералъ-лейтенантъ, другой, подполковникъ, въ лѣвой рукѣ—первый, генералъ-маіоръ, другой, штабсъ-капитанъ, въ передовомъ полку (мнѣніе: передовой выше сторожеваго)—первый, генералъ-маіоръ, другой, капитанъ, въ сторожевомъ полку—

первый, генералъ-маіоръ, другой, капитанъ. Положеніе другихъ воеводъ соотвѣтствуетъ положенію нашихъ начальниковъ штабовъ, и въ 11-мъ положеніи мы видимъ мудрое правило-поправку: „начальнику штаба большаго полка до генералъ-маіоровъ передоваго и сторожеваго полковъ дѣла нѣтъ“. Иначе: начальникъ штаба этотъ стоитъ внѣ счетовъ старшинства для командировъ передоваго и сторожеваго полковъ, а слѣдовательно можетъ назначаться болѣе свободно изъ старшихъ и младшихъ.

Если мы перенумеруемъ эти чины отъ генерала-отъ-инфантеріи до штабсъ-капитана цифрами 1—7-й, то увидимъ, что справа отъ 1-го чина стоитъ 2-й, слѣва 3-й, за первымъ 4-й, за вторымъ 5-й, и за третьимъ 6-й или 7-й чинъ, беря положеніе и старшинство первыхъ и другихъ воеводъ большаго и правой и лѣвой рукъ полковъ. Отсюда выводъ, что и въ отношеніи расположенія отдѣльныхъ бойцевъ преслѣдовалось такое же правило, такъ какъ можно утверждать, что этотъ боевой порядокъ вытекъ изъ порядка расположенія отдѣльныхъ бойцевъ, а не наоборотъ. Слѣдовательно, надежнѣйшій боецъ становился съ правой стороны князя, слѣдующій съ лѣвой (прикрытой щитомъ), третій съ тылу. Эти же разрядныя книги даютъ намъ матеріалъ для сужденія и о вооруженіи защитниковъ князя. Споряще о мѣстахъ при придворныхъ церемоніяхъ говорятъ: другое копье выше другого саадака, другой саадакъ выше рогатины и т. д. Изъ ряда такихъ споровъ выясняется, что впереди стояло копье первое, потомъ первый саадакъ, потомъ другое копье, потомъ саадакъ, потомъ копье и сулица, потомъ саадакъ, за нимъ рогатина, потомъ доспѣхъ, затѣмъ поддатни у доспѣху. Такимъ образомъ мы видимъ восемь (безъ поддатней) человѣкъ, стоящихъ одинъ за другимъ, что вполнѣ отвѣчаетъ и въ западномъ военномъ искусствѣ установившемуся понятію о „копьѣ“. Слѣдовательно рядъ въ восемь человѣкъ глубиною образуетъ „копье“. Въ 1152 г. Ярославъ галичскій говоритъ: „развѣ одино копье поставлено у гроба его, а и то въ руку моею есть“. Здѣсь говорится конечно не объ одномъ копьѣ въ буквальномъ смыслѣ, не стоялъ же у гроба Данила галичкаго одинъ воинъ, а

говорится о тогдашней боевой единицѣ, рядѣ въ восемь человѣкъ. Стоящій во главѣ копья былъ главный воинъ, а остальные поддерживали его. Правѣе его стояло второе такое же копье, лѣвѣе третье копье, за нимъ становился четвертый по чину воинъ, если не имѣлъ въ своемъ распоряженіи полнаго копья. Мы видимъ, что въ этомъ строю можно удлинннть фронтъ до четырехъ разъ, постепенно „выстраивая ряды“ до того, что всѣ копья, сулицы и рогатины будутъ въ первой шеренгѣ, а саадаки и доспѣхи во второй. Въ свою очередь, послѣдовательнымъ вздваваніемъ рядовъ мы можемъ довести до колонны въ одного человѣка.

Посмотримъ вооруженіе нашихъ воиновъ. Цвѣтъ русскаго войска, т. е. княжеская дружина или по нынѣшнему кадръ, состоялъ изъ тяжеловооруженнныхъ всадниковъ, способныхъ и къ пѣшему бою, какъ западное рыцарство. Воинъ былъ одѣтъ въ броню, которая была двухъ видовъ: сплошная, въ нее именно и были одѣты европейскіе рыцари, „оружники во всемъ желѣзномъ“, и другая, кольчатая, т. е. то, что „Слово о полку Игоревѣ“ называетъ“ папорзями (поперси). Этотъ кольчатый доспѣхъ вызываетъ похвалы въ пѣвцѣ Слова Игорева, эти же похвалы отдаетъ папорзямъ и новѣйшій французскій военный писатель 1), съ крайнимъ сожалѣніемъ говорящій о переходѣ франковъ около 1440 г. отъ кольчатыхъ доспѣховъ къ бронѣ закованныхъ съ головы до ногъ въ желѣзо нѣмецкихъ рыцарей. Такое перевооруженіе лишило франковъ возможности вести свой родной бой, который при папорзяхъ давалъ всегда франкамъ возможность развить свои природныя боевыя качества, а потому и былъ для нихъ соединенъ съ блестящими успѣхами. Сплошной же желѣзный нарядъ превращалъ человѣка въ машину, и соотвѣтствовалъ болѣе нѣмецкому характеру. Кольчатый же доспѣхъ, покрывавшій воина до пояса, или до низа живота, или даже до колѣнъ, и до пятъ, совершенно не стѣснялъ свободы движеній, что, принявъ во вниманіе упомянутыя нами особенности „русскаго боя“, для на-

1) Гарди-де-Перини, Les batailles d'autrefois, I. 220.

шихъ воиновъ, какъ и для франковъ, играло немаловажную роль въ вопросѣ объ одержаніи побѣды.

Хотя уже въ самомъ началѣ лѣтописи говорится объ „оружье обоюдоостро, рекше мечь“, которымъ были вооружены кіевскіе поляне, а также, что въ 968 г. Святославлевъ воевода Претичъ далъ печенежскому князю броню, щитъ и мечъ, а этотъ Претичу коня, саблю и стрѣлы, но мы данныя этихъ легендъ принимаемъ лишь настолько, насколько они не противорѣчатъ нашимъ позднѣйшимъ свѣдѣніямъ. Но полнаго довѣрія заслуживаетъ сказанное въ договорахъ Олега и Игоря: „а некрещеная русь полагаютъ щиты своя и мечи своѣ наги, обручѣ свое и прочая оружья“, „аще ударить мечемъ или копьемъ“, „да не ущитятся щиты своими, и да посѣчены будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего“. Въ словѣ „обручье“ мы понимаемъ тяжелое вооруженіе. Вполнѣ заслуживающее военнаго довѣрія „Слово о полку Игоревѣ“, какъ мы уже видѣли, говоритъ о мечахъ, сабляхъ, засапожникахъ, копьяхъ и сулицахъ, лукахъ и стрѣлахъ, шлемахъ, щитахъ, папорзяхъ, т. е. о самомъ разнообразномъ вооруженіи, какъ это вполнѣ понятно для нашей громадной земли русской, и различное во всей землѣ вооруженіе наше было въ извѣстной степени однообразно по волостямъ, въ дружинѣ или кадрѣ какого-либо князя. „Слово о полку“ именно и подчеркиваетъ особенности каждой изъ княжескихъ дружинъ.

Сохранившееся въ нашихъ музеяхъ вооруженіе нельзя относить только къ періоду татарскаго владычества. Часть его несомнѣнно принадлежитъ къ древне-русскому періоду. Доказательства этого нами будутъ предъявлены позже, при описаніи походовъ римскаго Траяна противъ даковъ. Конечно татары оказали не малое вліяніе; это было всегда и вездѣ: побѣдитель вліялъ на побѣжденнаго, это видно изъ записи подъ 1252 г., когда Данилъ галичкій пришелъ къ королю венгерскому, къ Вѣнѣ, со своими русскими полками на помощь: „исполчи всѣ люди свои. Нѣмцы же дивились оружью татарскому, были кони въ личинахъ и въ коярахъ кожаныхъ, а люди въ ярыцахъ, и была полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающая. Самъ же ѣхалъ

подлѣ короля, по обычаю русску: былъ конь подъ нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата жжена, и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростями, якоже дивися, кожюхъ же оловира грецкаго, и кружевы златыми плоскими ошитъ, и сапози зеленаго хза шиты золотомъ. Нѣмцы же зряще, много дивились".

Конечно, какъ и во всей Европѣ того времени, такъ и у насъ, вся масса ратнаго ополченія не могла обладать совершеннымъ видомъ вооруженія. Она пользовалась болѣе слабыми образцами, напр. шлемы замѣнялись такъ называемыми куяшными шапками, сдѣланными изъ стеганнаго холста или кожи съ наушнями и назатыльниками, съ набитыми на нихъ гвоздями, желѣзными бляхами или пластинками. Такіе же дѣлались и нагрудники. По свидѣтельству арабскаго писателя, каждый русъ имѣлъ при себѣ топоръ, ножъ и мечъ, „и безъ этого 'оружія ихъ никогда не видать". При дальнихъ походахъ ратное ополченье шло частью конным, но драться могло и пѣшимъ. Такъ во второй Липецкой битвѣ въ 1216 г. новгородцы горячо пожелали драться пѣшими, но пришли-то конными, и одно ихъ желаніе драться въ данномъ случаѣ пѣшими доказываетъ, что при иной мѣстности они могли биться и въ конномъ строю.

Чтобы закончить вопросъ о вооруженіи, необходимо указать на характерную особенность нашихъ ратей, на червленый цвѣтъ ихъ щитовъ, о чемъ не разъ говорится въ „Словѣ о полку Игоревѣ". Въ музейныхъ описяхъ очень часто указывается этотъ цвѣтъ, какъ на верхней сторонѣ, такъ и на подкладѣ щитовъ. Этотъ цвѣтъ позволялъ въ бою отличать своего отъ врага. Въ междоусобныхъ столкновеніяхъ употреблялись другіе знаки, такъ въ Любечской битвѣ 1016 г. Ярославъ приказалъ повязать головы убрусами.

Какъ мы сказали, цвѣтъ нашего войска былъ тяжеловооруженнымъ и конным. Это подтверждается сохранившимся до временъ Татищева симпатичнымъ воинскимъ обрядомъ „постриги", (подстяги, постѣги, Ипат. 453), когда (Карамзинъ, Ш, 137) на 4-мъ или 5-мъ году, мальчика постригали и сажали на коня при торжественной обстановкѣ; въ цер-

ковномъ требникѣ на этотъ случай сохранилась особая молитва. Въ битвѣ подъ Коростенемъ въ 946 г., въ древлянскій походъ Ольги, маленькій Святославъ началъ битву, сидя на конѣ": снемшемася обѣма полкома на купь, суну копьемъ Святославъ на деревляны, и копьѣ летѣ всквозѣ уши коневи, и удари въ ногы коневи, бѣ бо вельми дѣтескъ", ему было всего четыре года. Конь у князей пользовался особою почестью, „конь же его, язвенъ вельми, унесъ господина своего, умре; князь же Андрей (въ 1149 г.), жалуя комоньства его, повелѣ и погрести надъ Стыремъ". Отъ этого слова „комоньство" вѣроятно вытекаетъ указаніе Льва Діакона (Карамзинъ, I, прим. 408), что на русскомъ языкѣ военный совѣтъ называется „коментъ". Если мы вспомнимъ, что „сборъ" назывался „снемъ", и въ особо важныхъ случаяхъ происходилъ на коняхъ въ полномъ вооруженіи, то можно допустить слово, производное изъ „комоньство" и „снемъ". Въ особой статьѣ мы разсмотримъ этотъ вопросъ. Здѣсь же только добавимъ, что Прискъ разсказываетъ про гунновъ (Латышевъ, I, 3, 811): „сюда собрались и царскіе скифы. Они устроили съѣздъ внѣ города, сидя на коняхъ, такъ какъ у варваровъ не было въ обычаѣ вести совѣщанія спѣшившись, поэтому и римскіе послы, заботясь о своемъ достоинствѣ, явились къ скифамъ съ соблюденіемъ этого же обычая, чтобы не пришлось бесѣдовать однимъ на коняхъ, а другимъ пѣшими". Все это доказываетъ, что для цвѣта русской рати конный бой былъ за обычай, и въ первой Липецкой битвѣ въ 1177 г. мы видимъ, что противники идутъ другъ на друга рысью (на грунахъ).

Опредѣлимъ подробности нашего боевого построенія. Для возможности дѣйствія оружіемъ, копье отъ копья становилось не ближе 3—5 шаговъ, т. е. на всадника приходилось не менѣе 5—7 шаговъ по фронту или по челу, какъ говорили наши предки. Въ глубину копье занимало не менѣе 30 шаговъ. Слѣдовательно, сотня копій занимала по челу до 70 шаговъ, а въ глубину 30 или даже 50 шаговъ, считая съ поддатнями доспѣху. Изъ битвы на Вагрѣ въ 1097 г. видно дѣленіе нашего строя на сотни; неразъ упоминаемый въ лѣтописи тысячникъ очевидно являлся начальникомъ

сотни копій или 800—1000 чел. Вѣроятно, что стоявшій во главѣ копья былъ десятникъ или десятскій, 10 копій велъ сотникъ, 100 копій—тысячникъ, стягъ котораго имѣлъ важное значеніе, какъ это видно изъ описанія битвы на Супоѣ въ 1136 г. Здѣсь умѣстно сказать о значеніи въ древнее время стяга. Нынѣ, созданіе изъ стяга не совсѣмъ понятной святыни, привело къ уничтоженію его боевого значенія, и стягъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться имъ какъ могучимъ средствомъ для веденія войскъ, стали прятать такъ, что онъ для войскъ сталъ обузою. Подъ Мукденомъ мы видимъ даже уничтоженіе знамени, вмѣсто того чтобы пользоваться имъ какъ указателемъ сборнаго мѣста для полка. Прекрасное изслѣдованіе французскаго полковника Стоффеля объ антесигнанахъ объясняетъ какой могучій рычагъ для веденія войскъ заключался въ стягахъ. Въ римской когортѣ двѣ первыя шеренги составлялись изъ лучшихъ людей, антесигнановъ или подзнаменныхъ, когортный значекъ находился во второй шеренгѣ. Юлій Цезарь запретилъ солдату выдвигаться передъ знамя болѣе чѣмъ на 1—2 шага, съ тѣмъ, чтобы избѣжать разстройства въ рядахъ. Храбрые антесигнаны шли впередъ со стягомъ, и всѣ должны были равняться по нимъ. Слѣдовательно, знамя должно было быть видно въ сумятицѣ боя для всѣхъ, что, по мнѣнію Стоффеля, выполнимо, если каждая манипула, 120 чел., имѣла свой знакъ. Манипульный антесигнанъ руководился когортнымъ знаменемъ, а когортныя знамена легіоннымъ орломъ, управляя которымъ можно было подвигать легіонъ впередъ или придерживать на общей линіи легіоновъ. Эту роль играютъ стяги и въ нашей рати въ Трипольской битвѣ въ 1093 г. Въ битвѣ на Рутѣ, въ 1151 г., Изяславъ приказалъ: „зрите же на мой полкъ, а како вы пойдетъ мой полкъ, тако же и вы пойдете“, т. е. равняясь по стягу старшей части. Поднятіемъ стяга начальникъ подавалъ знакъ боевой готовности, „яко же хощетъ поткнути на пѣшци, зане и стягъ его бѣ не возволоченъ“, „отъ страха не возмогоша стяга поставити“. Что стягъ имѣлъ значеніе сборнаго мѣста и значеніе равненія, это ясно доказывается ловлею непріятеля на его захваченный стягъ, какъ это было въ битвахъ

на Супоѣ въ 1136 г., у Надова озера въ 1146 г., подъ Теребовлемъ въ 1153 г. Въ битвѣ на Кондурчѣ, сѣвернѣе Самары, въ 1391 г., Тамерланъ условнымъ знакомъ велѣлъ подкупленному имъ знаменщику Тохтамыша опустить знамя, что и обратило армію Тохтамыша въ бѣгство. „Выступи полкъ изъ загорья, вси во бронехъ, яко во всякомъ леду, и удариша на нихъ изнезапа и подъяша стягъ". Наши стяги дозволяли различать по нимъ войска, такъ въ первой битвѣ на Колочкѣ въ 1097 г. непріятель узналъ стягъ Владимира. У татаръ знамя пророка ночью сопровождалось зелеными огнями.

Маневрированіе нашей рати по стягамъ видно изъ Трипольской битвы, въ 1093 г., а степень стройности этого маневрированія явствуетъ изъ поворотовъ цѣлой рати на Рутѣ въ 1151 г., въ виду противника для отступленія и новаго поворота для атаки насѣдающаго врага. Такія движенія не опасны только при условіи, что ихъ производятъ обученныя и стойкія войска. Вотъ здѣсь и выступаетъ важная роль дружины, содержимой княземъ, т. е. кадра отборныхъ, обученныхъ, дисциплинированныхъ воиновъ, пропикнутыхъ боевыми традиціями. Это не была горсть приближенныхъ собутыльниковъ князя, какъ позже стали характеризовать дружину близорукіе монахи-лѣтописцы. Это была сама по себѣ обширная часть русскаго войска: въ 1150 г. Изяслава встрѣтила сочувствовавшая его дѣлу „дружина многое множество, которые сѣдяхуть по Тетеревн". Въ 1186 г. князь послалъ на помощь Происку 300 чел. дружины; эта помощь была бы ничтожна, если бы это не былъ кадръ обученныхъ людей для организаціи крѣпостной обороны.

Выше мы говорили про конную рать. Конечно и пѣшая, т. е. та же конная рать, но спѣшенная, строилась въ томъ же порядкѣ какъ и въ конномъ строю, ибо основанія построенія оставались тѣ-же. Только уменьшались длина по челу и въ глубину. Вотъ эти выводы и лягутъ какъ основныя положенія при составленіи нами плановъ древне-русскихъ сраженій. Планы западно-европейскихъ сраженій въ извѣстномъ атласѣ Каузлера составлены на выведенныхъ такимъ же путемъ соображеніяхъ, но это не лишаетъ ихъ

въ глазахъ западныхъ ученыхъ извѣстной цѣнности при изученіи военной исторіи.

Конныя толпы кочевниковъ, берендеевъ, черныхъ клобуковъ, половцевъ, торковъ, печенѣговъ становились на крыльяхъ русской рати. Характернымъ образцомъ такихъ совмѣстныхъ дѣйствій служитъ битва на Вагрѣ въ 1099 г. Здѣсь мы кстати изложимъ особенности монгольскаго боевого порядка, съ которымъ намъ пришлось такъ неудачно столкнуться въ Калкской битвѣ въ 1224 г., и который былъ въ вышеназванной битвѣ на Вагрѣ примѣненъ нашимъ союзникомъ, половцемъ Бонякомъ, противъ венгровъ. Въ очень цѣнномъ трудѣ генералъ-лейтенанта Иванина подробно выяснены основныя дѣйствія монголовъ: линія за линіей налетаютъ на противника, смѣняютъ другъ друга, охватываютъ его со всѣхъ сторонъ, утомляютъ, отрѣзаютъ, и наконецъ наносятъ ударъ серединой боевого порядка, т. е. резервомъ. Въ Вагрской битвѣ русскихъ было 10.000 чел., половцевъ 30.000. Русскіе образовали центръ боевого порядка, по 5.000 половцевъ стало на крыльяхъ русскихъ, три отряда по 5.000 половцевъ стали въ видѣ авангарда передъ русскими и обоими крыльями, остальные 5.000 половцевъ выдвинулись передъ авангардъ центра, какъ бы авангардъ авангарда. Вотъ этотъ авангардъ авангарда понесся на венгерскій первый заступъ, или на первую линію венгерскаго боевого порядка, а потомъ обратился въ примѣрное бѣгство. Венгры погнались за нимъ, тогда авангарды крыльевъ охватили ихъ съ боковъ, затѣмъ налетѣли авангардъ центра и самыя крылья, надвинулась русская середина, и венгры были разбиты на голову. Вотъ съ такими боевыми порядками столкнулись и Юлій Цезарь въ битвѣ при Руспинѣ въ Африкѣ, атакованный нумидійцами; и нашъ Игорь въ воспѣтомъ въ „Словѣ“ сраженіи на р. Каялѣ, нынѣшнемъ Кагальникѣ, за р. Дономъ. Оба дрались въ пѣшемъ строю. Первый великополководческимъ маневромъ, движеніемъ обоихъ крыльевъ, разорвалъ обложившую его толпу, а у второго часть рати бросилась бѣжать, половцы ворвались въ строй и смяли. Въ битвѣ на Калкахъ въ 1224 г. русскіе проявили много геройства въ борьбѣ съ монгольскимъ боевымъ порядкомъ, но полководческимъ ис-

кусствомъ пренебрегли, вслѣдствіе раздоровъ, вступая въ бой, по частямъ.

Разрядныя книги даютъ намъ достаточное понятіе о частяхъ нашего боевого порядка, и у насъ нѣтъ основаній думать, что въ начальныя времена нашей лѣтописной исторіи русскій боевой порядокъ былъ иной, чѣмъ тотъ, какой упоминается въ позднѣйшихъ разрядныхъ книгахъ. Какъ мы уже видѣли, нашъ боевой порядокъ дѣлился на полки большой, правой и лѣвой рукъ, передовой, сторожевой. Но, конечно, это дѣленіе обусловливалось обстоятельствами, разсчетъ бывалъ и на три полка, большой, передовой и сторожевой, или иначе; такъ въ разрядныхъ книгахъ пишется: „ходили воеводы въ литовскую землю на три полки“, и т. п. Мы уже говорили о старшинствѣ воеводъ въ полкахъ. Здѣсь намъ остается выяснить тѣ поправки, какія русскимъ полководцамъ пришлось ввести въ вопросы воеводскаго старшинства, чтобы умалить вредныя стороны назначеній по родовитости, по службѣ предковъ. Назначеніе въ передовой и сторожевой полки, конечно требовало выбора по спеціальнымъ знаніямъ, а не по родовитости и службѣ предковъ, то потому оба эти полка были изъяты изъ линіи старшинства, т. е. объявлены безъ мѣстъ, съ постановкою ихъ ниже только одного перваго воеводы въ большомъ полку. Хотя передовой указано считать равнымъ сторожевому, но общественное мнѣніе считало, и совершенно правильно по сущности дѣла, передовой выше сторожевого. Второй важный вопросъ былъ о второмъ воеводѣ большого полка; этотъ воевода игралъ роль начальника штаба, а потому руководствоваться одною родовитостью было опасно, ибо требовался талантъ и знаніе дѣла, особенно, если обстоятельства ограничивали выборъ перваго воеводы большаго полка. Въ этомъ случаѣ уложеніе совершенно изъяло второго воеводу изъ вопросовъ старшинства, объявивъ, что ему до первыхъ воеводъ прочихъ полковъ, кромѣ конечно большаго, дѣла нѣтъ, т. е. счета мѣстъ нѣтъ. Въ случаѣ убыли воеводы происходила перемѣна мѣстами, „новая роспись, когда воеводу убили“. Кромѣ того состояли особые воеводы „на посылкахъ“, такъ у царя въ полку было четыре такихъ воеводы;

кромѣ того въ „государевомъ стану“ состояли первыхъ головъ 7, другихъ головъ 4, третьихъ 5, рынды у доспѣху 1, поддатни у доспѣху 2, дворяне въ стану 4, дворовые, раздающіе дворы, воеводы 3, у знамени головы 2—4, головы письменные, „въ письмо“, въ заставы, въ посылки, а „головамъ въ полкахъ мѣстъ не бывало“.

Конечно, въ старыхъ сочиненіяхъ много похвалъ табелямъ о рангахъ Петра Великаго, и мы нынѣ много надеждъ по выдвиженію впередъ полководцевъ возлагаемъ на систему аттестацій начальства, но съ каждымъ кровавымъ опытомъ разочаровываемся и ставимъ заплаты. Справедливость заставляетъ признать за разрядною системою большую глубину въ рѣшеніи вопроса пополненія и подбодренія служилыхъ людей; негодный на службѣ терялъ не одинъ онъ самъ, а наносилъ ущербъ всему своему роду, несмотря на его древность и богатство, „что отъ большаго брата колѣно пойдетъ, а въ разрядахъ малы и худы будутъ, а отъ меньшаго брата колѣно пойдетъ, а въ разрядѣ велики живутъ, и тѣ худые съ добрыми по родословцу не тяжутся, а тяжутся по случаямъ въ разрядахъ“.

Очертивъ устройство нашего боеваго порядка, посмотримъ, какъ начинался бой. Чтобы „парядити полкъ“, ударяли въ бубны и трубили, „ударяли въ трубы“, и полки „стали доспѣвать“, ставили стяги, и старшій послѣ князя воевода „почаряди полкъ, за не бѣ старѣй“. Затѣмъ полководецъ гналъ къ полкамъ, укрѣпляя ихъ на брань, потомъ говорилъ: „поѣдите, брате, въ своя полки, а како ны съ ними Богъ разсудитъ“, „зрите на мой полкъ, а како вы пойдетъ мой полкъ, тако же и вы пойдете“. Отдавъ поклонъ старшему, „поклонишася ему и ѣхаста въ своя полки“. Впереди шли стрѣльцы изъ молоди, молоди-руси, черныхъ клобуковъ, берендеевъ, „стрѣльцы“, „стрѣльцы и копейницы“, этимъ завязывался бой и прикрывалось движеніе стяговъ, нацѣливавшихся на непріятеля. За стягами наступалъ и весь боевой порядокъ. Въ Трипольской битвѣ въ 1093 г. очевидно стяги были слабо прикрыты и выдвинулись слишкомъ впередъ, и половцы сбили ихъ прежде, чѣмъ боевой порядокъ всталъ по стягамъ. Подойдя къ противнику, напр., во второй Липец-

кой битвѣ въ 1216 г., по данному сигналу „кликнуша отъбѣжати имъ“, т. е. крикнувъ непріятелю „берегись“, бросили они „они кіи, а они топоръ“, или „ови кіи, ови топоръ“, т. е. бросили копья и топоры, какъ римляне изъ первыхъ двухъ своихъ шеренгъ бросали въ противника свое страшное оружіе—пилумы; вѣроятно русскіе топоры были не менѣе страшны по дѣйствію прямо въ лицо.

Затѣмъ новгородцы ворвались въ ряды непріятеля, и начался „соступъ“, сѣча. Въ этой Липецкой битвѣ Мстиславъ три раза проѣхалъ черезъ непріятеля, сѣкучи людей, „бѣ бо у него топоръ съ паворозою на руцѣ“. По опыту римскихъ битвъ потеря въ этотъ моментъ боя, вслѣдствіе предохранительнаго вооруженія, не могла быть значительна, а сильно увеличивалась для побѣжденнаго во время бѣгства, при „разгонѣ“.

Скажемъ нѣсколько словъ о резервѣ въ древнемъ боевомъ порядкѣ. Обстоятельное изслѣдованіе Стоффеля доказываетъ намъ, что въ тѣ времена резервъ не всегда имѣлъ то важное значеніе, какое онъ получилъ нынѣ. Въ практикѣ римскихъ армій резерва обыкновенно не было, третья линія отнюдь не замѣняла его. Даже въ небольшой арміи изъ двухъ легіоновъ и то общему резерву пришлось бы пробѣгать значительное для тяжеловооруженныхъ разстояніе. Поэтому въ римской арміи была достаточно сильна вся линія, или же часть ея при самомъ построеніи боеваго порядка усиливалась. Въ нѣкоторыхъ битвахъ ударъ наносился внезапно появившеюся частью, напр., въ битвахъ Александра Македонскаго, налетавшаго съ отборною конницею, Юлія Цезаря съ отборными когортами, но все это не были резервы въ нынѣшнемъ ихъ значеніи, а скорѣе или части общей линіи, получавшія иное назначеніе, или же части, бывшія въ засадѣ. Такою засадною частью или западною, въ нашей Куликовской битвѣ нанесенъ взезапный ударъ татарамъ. Этотъ западный полкъ, сторожившій подходъ Ольгерда, удачно появился на полѣ битвы, что и рѣшило ея исходъ. Тогда бой начинался слишкомъ на короткихъ разстояніяхъ и на открытой мѣстности, чтобы резервъ укрылся отъ непріятеля, а разъ онъ видѣнъ, то ничто не мѣшало против-

нику либо отдѣлить часть своихъ силъ и занять ими резервъ, либо быстрымъ напоромъ всѣхъ своихъ силъ сломить сопротивленіе раньше подхода резерва. Въ легкоконныхъ ратяхъ, какъ монгольскія, половецкія, сильный резервъ могъ еще сыграть свою роль, но въ тяжеловооруженныхъ конныхъ значеніе его умалялось съ увеличеніемъ разстояній, а въ пѣшихъ тяжеловооруженныхъ, какъ и въ римскихъ, онъ совсѣмъ отсутствовалъ, не считая дружины для личнаго прикрытія князя. Резервъ въ битвахъ древняго времени былъ скорѣе требованіемъ частностей обстановки каждой данной битвы, чѣмъ непремѣнною частью боеваго порядка.

Арабскій писатель начала X вѣка (Хвольсонъ, 37) говоритъ про русь: „мечи у нихъ соломоновы (франкской работы). Когда проситъ о помощи который либо изъ родовъ, выступаютъ въ поле всѣ и не раздѣляются на отдѣльные отряды, а борются со врагомъ сомкнутымъ строемъ, пока не побѣдятъ его“. Этимъ опредѣляется тактика тяжеловооруженныхъ войскъ, въ отличіе легкоконныхъ, какъ мы уже говорили про монгольскій боевой порядокъ. Князь Данилъ въ 1251 г. вполнѣ подтверждаетъ слова арабскаго писателя, говоря руси и ляхамъ: „о мужи воинскіе, не вѣсте ли, яко крестьяномъ пространство (открытое поле) есть крѣпость (сила), поганымъ же есть тѣснота (тѣснины), деряждье (дрегва, топь) обычай есть на брань“.

Если бы мы захотѣли ознакомиться съ совершеннѣйшимъ образцемъ нашихъ древнихъ диспозицій, т. е. распоряженій для боя, то прочитавъ одинъ изъ подобныхъ древнѣйшихъ римскихъ актовъ, мы едва ли были бы далеки отъ истины. Эта римская диспозиція Арріана, упоминающая кромѣ того о родственныхъ намъ конныхъ гетахъ и аланахъ, составлена въ 160—180 г. по Р. Хр., и настолько проста, ясна, разумна, что можетъ, внѣ вопроса о національности составителя, принадлежать всякому полководцу, отдающему свои распоряженія, основываясь на вѣрномъ взглядѣ военномъ и на сущности поставленной задачи. Эта римская диспозиція составлена на случай боя противъ аланъ, и ставитъ свой боевой порядокъ между двумя курганами, примыкая къ нимъ свои крылья и ставя на курганы катапульты, при-

крытыя стрѣлками. Пѣхота между курганами становится въ девять шеренгъ, что напоминаетъ наше построеніе, изъ нихъ первыя четыре съ пилумами, вторыя четыре съ пиками, и девятая стрѣлки. Эта диспозиція изложена нами здѣсь же, ниже въ главѣ XV. Мѣстность, выбранная для построенія, напоминаетъ наши южныя степи.

Скажемъ нѣсколько словъ о походномъ, сторожевомъ и станномъ порядкахъ, въ предѣлахъ тѣхъ свѣдѣній, какія найдены нами въ лѣтописи и въ разрядныхъ книгахъ.

При походѣ впереди шли зажитники для сбора запасовъ. Затѣмъ шли сторожа, отрядцами, называемыми станицею, изъ 9 чел., а именно 1 сына боярскаго, 1 атамана, 5 ѣздаковъ и 2 вожей. Къ развѣдыванію служили захваченные языки или колодники, перескоки, лазутчики. При приближеніи къ непріятелю, „не доходя за одинъ станъ до Выбору, приговорили бояре и воеводы поставити передъ ертоуломъ головъ, и ѣздилъ изъ передоваго полку боярин и воевода князь, да съ правой руки воевода князь, и поставили головъ передъ ертоуломъ двухъ, да изъ ертоула одного голову князя такого же“. Затѣмъ шелъ сторожевой полкъ, а за нимъ рать. Основнымъ правиломъ было „ѣздити напереди полкомъ—русскіе князи въ своей землѣ“, т. е. въ русской землѣ русскіе шли впереди, чтобы не допускать разграбленія своей земли союзниками, и кромѣ того, всѣ мѣстныя средства собирались въ свою пользу. Въ позднѣйшее время, когда во главѣ русской рати становился татарскій князь, то къ нему ставился воевода приставъ, передававшій полкамъ распоряженія татарина. Въ походѣ, конечно, высшіе лица ѣхали вмѣстѣ, хотя въ бою они могли стоять далеко другъ отъ друга, въ зависимости отъ своихъ войскъ, отсюда выраженіе: „ѣзжу подлѣ твой стремень“, „хожу въ путь единъ“.

Конная рать шла большею частью „о двою конь“, оружіе везлось на повозахъ. При приближеніи къ непріятелю „пометаша возы и на кони полѣзоша“, у возовъ оставлялась часть рати.

Становились (стать—лечь) станомъ, товаромъ; „стати таборы въ крѣпкѣхъ мѣстѣхъ и остроги подѣлать и рвы вы

копать и всякими крѣпостями укрѣпиться". „Стояще за щиты всю ночь и трубиша", „ночь меркнетъ, русичи великая поля червлеными щиты прегородиша"; „огни великіе класти", „сторожи ночные пришли, а дневные еще не пошли". Говорилось, что такое-то событіе произошло въ „легомъ", т. е. когда рать лежала, стояла станомъ (сохранилось слово „ноч-легъ"). Можно думать, что сутки, по римскому образцу, въ военномъ отношеніи дѣлились на 4 дневныя и 4 ночныя стражи, по 3 часа въ стражѣ, т. е. день и ночь имѣли по 12 час. Существуетъ мнѣніе, что эти стражи могли имѣть каждая свое спеціальное названіе; напр. 1-я стража дневная отъ 7 до 10 час. утра лазори, свѣтъ; 2-я стража отъ 10 до 1 часу, полдень; 3-я стража отъ 1 до 4 час., долго-день; 4-я стража отъ 4 до 7 час., вечеръ; 1-я стража ночная отъ 7 до 10 час., долго-вечера; 2-я стража отъ 10 до 1 час., полунощи; 3-я стража отъ 1 до 4 час., долго-ночь; 4-я стража отъ 4 до 7 час., вельми рано, рано передъ зорями, „долго ночь меркнетъ, заря свѣтъ запала, мгла поля прикрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди." Конечно полдень опредѣлялся по меридіану мѣста происшествія.

Распоряженія объявлялись подвойскими и биричами; приказанія посылались со „знаменіемъ": „написавши ему свое знаменіе, послалъ"; арабскій писатель 987—988 гг. говоритъ о полученномъ отъ владѣтеля русовъ кусочкѣ бѣлаго дерева (березовая кора, береста), на которомъ было написано Сто—свъ, т. е. Святославъ.

Главнѣйшіе пути движенія ратей, кромѣ водою и. берегомъ большихъ рѣкъ, шли по водораздѣламъ, какъ наболѣе сухимъ и ровнымъ мѣстамъ, доказательство тому дороги, перечисленныя въ Книгѣ Большаго Чертежа.

Остается сказать о звѣздахъ и вѣтрахъ, какъ средствахъ мѣстонахожденія, въ степяхъ и на морѣ. Млечный путь народомъ именуется Становищемъ по этому „Становищу приходили татары на святую Русь прямо отъ желѣзныхъ горъ". Косарями называется голова Млечнаго пути, Косарей четыре. Дѣвичьи зори—три звѣзды подлѣ Млечнаго пути, ихъ три красныхъ пятнышка. Желѣзное колесо—Арктическій поясъ. Кигачи-Оріоновъ. Ниже, въ слѣдующихъ главахъ,

мы укажемъ цѣлый рядъ оборонительныхъ валовъ, которыми наши предки ограждали свои предѣлы отъ кочевниковъ. Здѣсь мы очертимъ тотъ порядокъ службы на этихъ валахъ, который намъ удалось выяснить по сохранившимся документамъ того времени. Вдоль границы въ городкахъ стояли заставные головы съ сотнями перемѣняясь, по поламъ по 2 недѣли до снѣговъ, выставивъ сторожовья. Эти сотни дѣлились на станицы, такъ въ Бѣлгородѣ было 40 станицъ, на Осколѣ 20 станицъ. Въ каждой станицѣ состояло 1 сынъ боярскій, 1 атаманъ, 5 ѣздаковъ, 2 вожа, всего 9 человѣкъ. Эти станицы доходили до назначенныхъ имъ мѣстъ, клали тамъ доѣздныя памяти, изъ Бѣлгорода, напр., доѣзжали до р. Терновки, до р. Самары, и до Сокольихъ горъ.

„Съ городовъ, въ которыхъ стоятъ воеводы, посылать въ пограничные города дѣтей боярскихъ для вѣстей перемѣняясь, о дву конь. А какъ прибѣжитъ съ поля станичникъ или сторожъ или выѣзжей или кто-нибудь съ вѣстями, то тѣ дѣти боярскіе, распрашивая воеводъ, головъ, станичниковъ и всякихъ вѣстовщиковъ, съ полученными вѣстями бѣжали къ пославшему ихъ воеводѣ. Дѣти боярскіе, которые посылаются на вѣсти, на сторожи, въ подъѣзды, должны быть конны, чтобы не быть захваченными на розгромѣ. Воеводѣ, получившему вѣсть отъ сына боярскаго, на то мѣсто, гдѣ сторожи увидятъ людей или сакму переѣдутъ, послать станицы, выбравъ голову добраго изъ дворянъ, а съ ними дѣтей боярскихъ, и велѣть имъ про тѣ вѣсти провѣдати накрѣпко, да съ тѣми вѣстями велѣть головѣ отсылать къ воеводѣ товарищей своихъ, а самому тому головѣ съ достальными товарищами, провѣдавъ подлинныхъ вѣстей, пріѣхать къ воеводѣ, для того, чтобъ сторожи пріѣзжали со сторожъ съ прямыми вѣстями, а не лгали. А во всякія посылки, въ станицы и въ подъѣзды посылать дворянъ выборныхъ и дѣтей боярскихъ лучшихъ. А воеводамъ по вѣстемъ въ приходъ воинскихъ людей, межъ собою ссылатися наскоро, и вѣсть бы дать ранѣе, гдѣ имъ воеводамъ сойтися, и на которыя мѣста чаять воинскихъ людей. Воеводамъ посылать отъ себя изъ полковъ на тѣхъ воинскихъ

людей головъ съ сотнями лучшихъ людей, и приказывать головамъ на крѣпко, чтобы они надъ воинскими людьми на станахъ и на походахъ и въ крѣпкихъ мѣстахъ промышляли всякими обычаями, чтобъ однолишно надъ воинскими людьми поискъ учинить и языковъ добыть, чтобъ отъ тѣхъ языковъ про большихъ воинскихъ людей вѣдати тотчасъ, и тѣхъ язычниковъ прислать къ государю на подводахъ тотчасъ".

Дѣйствія кочеваго противника можно вполнѣ достовѣрно опредѣлить по обычаямъ татаръ. По словамъ Боплана въ XVII столѣтіи крымскіе татары посылали съ 40,000 мурзу, а съ 80,000 выѣзжалъ самъ ханъ. Дневные переходы татаръ въ началѣ похода были обыкновенно около 25 верстъ. Для развѣдыванія высылались впередъ самые расторопные и опытные наѣздники. Фронтъ походомъ состоялъ изъ 100 чел. или 300 коней, такъ какъ каждый велъ по двѣ заводныя лошади, и перескакивалъ съ одной на другую. Въ глубину колонна занимала до 800—1,000 коней. Всего имѣла по фронту до 300—1000 шаговъ, а въ глубину до 12—40 верстъ. Приближаясь къ границѣ, они перестраивались въ три отряда, $^2/_3$ составляли главный, а $^1/_3$ правый и лѣвый. Съ этого времени они уже шли день и ночь, останавливаясь по временамъ на 7—10 минутъ, слѣзая съ лошадей, а для корму не болѣе одного часа. Крылья раздѣлялись на отряды въ 500—600 чел., отдѣлялись отъ главнаго отряда и разсыпались по селеніямъ, подходя къ нимъ ночью, охватывая ихъ со всѣхъ сторонъ и зажигая вокругъ селенія огни. Отряды при скрытномъ движеніи держались болѣе лощинъ. Для скрытія слѣдовъ при преслѣдованіи татары, выступая съ ночлега, раздѣлялись на отряды, которые шли къ сѣверу, западу, югу, востоку, и каждый изъ этихъ отрядовъ, отойдя 5 верстъ, раздѣлялся еще на три части, въ свою очередь расходившіяся. Въ верстахъ 40—50 отъ прежняго ночлега всѣ эти отряды сходились въ какой-нибудь лощинѣ. Трава, притоптанная незначительнымъ числомъ лошадей, на другой день поднималась, и слѣдъ исчезалъ. Все разсыпаніе производилось на всемъ скаку и въ какіе-нибудь $1^1/_2$ часа, иначе, если противникъ захватывалъ татаръ во время раз-

сыпанія, то пораженіе ихъ было почти неизбѣжно. При нападеніи непріятеля многочисленнаго, татары разсыпались и отступая пускали стрѣлы на всемъ скаку, попадая въ человѣка въ 60—100 шагахъ, черезъ нѣсколько верстъ опять соединялись, встрѣчали непріятеля строемъ, стараясь выиграть вѣтеръ и стать спиною къ солнцу; потомъ, если стычка была неудачна, то опять разсыпались. Стрѣлы пускались черезъ лѣвое плечо; изъ этого видно, что равненіе было на лѣво, такъ какъ каждый всадникъ принималъ отъ лѣва на право.

Узнавъ о подобномъ набѣгѣ кочевниковъ, воеводы должны были велѣть „боярскимъ людямъ и пашеннымъ крестьянамъ идти съ женами, съ дѣтьми, съ животами въ городъ, а хлѣбъ молотить и сыпать по ямамъ, а у животины оставлять людей немногихъ. Воеводѣ, взявъ съ собою осаднаго голову и городовыхъ приказчиковъ, пересмотрѣть запасы и людей, и осаду имъ росписать и мѣста всякимъ людямъ указать, гдѣ кому въ осадное время быть, и колья и каменья для приступнаго времени велѣть по городу и по острогу изготовить, и совсѣмъ осаду накрѣпко укрѣпить, какъ въ приходъ большихъ воинскихъ людей сидѣть безстрашно и надежно“.

На этомъ мы пока закончимъ нашъ набросокъ о русскомъ военномъ искусствѣ. Въ немъ очень много недосказаннаго, неяснаго, какъ вслѣдствіе строго утилитарной цѣли его—служить только для составленія плановъ сраженій,—такъ и по причинѣ необработанности матеріаловъ. Впослѣдствіи, когда мы изслѣдуемъ военное искусство даковъ и готовъ, несомнѣнныхъ нашихъ предковъ, присвоенныхъ себѣ нѣмецкими учеными, мы будемъ въ состояніи дополнить наши свѣдѣнія о русахъ.

Въ заключеніе не надо забывать и духовной силы руси. Арабскій писатель X вѣка говоритъ: „русь мужественны и храбры. Когда они нападаютъ на другой народъ, то не отстаютъ, пока не уничтожатъ его всего“. Нашъ Святославъ Храбрый сказалъ: „да не посрамимъ земли русскіе, но ляжемы костью ту, и мертвый бо сорома не имать. Аще ли

побѣгнемъ, то срамъ намъ. И не имамъ убѣгнути, но станемъ крѣпко. Азъ же предъ вами пойду. Аще моя глава ляжеть, тоже промыслите о себѣ“.

И ркоша вои: „иде же глава твоя ляжетъ, ту и главы наша сложимъ“.

ГЛАВА II.

Битва на рѣкѣ Рутѣ 20-го іюля 1151 г.

(Кіевской губ. Васильковскаго уѣзда).

Здѣсь мы помѣщаемъ лишь описаніе самой битвы, предшествующая же ей обстановка будетъ изложена при общемъ очеркѣ походовъ Изяслава. Чертежъ поля сраженія будетъ приложенъ къ слѣдующему выпуску нашего труда. Помѣщаемое описаніе, взятое изъ Ипатской лѣтописи, можно прослѣдить съ достаточною ясностью по 3-хъ-верстной картѣ, листъ 8, рядъ XXIII, а потому и изслѣдовать на самой мѣстности. Упоминаемое въ описаніи названіе Перепетовыхъ вполнѣ объясняется показанными на картѣ курганами Перепятами. Вообще имя Перепетъ повторяется въ лѣтописи (Ипат. 278, 301, 379, 380) и подъ 1150 и 1172 годами, и мы объ немъ говоримъ въ главѣ VIII, видя его сохранившимся въ рѣкѣ Припяти, въ имени дако-гетскаго царя Беребисты, и даже можетъ быть въ древнемъ названіи Днѣпра, Борисфенъ.

Послѣ боя у Кіева, Юрій, оборотя полки, пошелъ прочь. Онъ получилъ вѣсть, что идетъ ему въ помощь князь галичкій, и пошелъ къ нему на встрѣчу. Изяславъ, находясь у Кіева, поспѣшилъ послать Борисa Городенскаго къ Бѣлгороду по бору. Юрій, придя къ Бѣлгороду и, получивъ отказъ, пошелъ черезъ боръ къ Верневу (Черневу), потомъ за валъ и сталъ у Бьзяницѣ, и здѣсь надѣялся на князя галичкаго, ибо послалъ за нимъ своего сыновца. Изяславъ пошелъ за Юріемъ, блюдя, чтобы не снялъ-ся съ галичкимъ, и во вторникъ 17-го іюля выступилъ изъ Кіева, и сталъ на

ночь у Звенигорода. Заутра въ середу всталъ поздно и, недойдя, сталъ къ обѣду у Василева. Здѣсь пригналъ посолъ изъ Угоръ отъ Мстислава съ вѣстью, что съ королевскою помочью прошелъ уже гору. Изяславъ послалъ на встрѣчу къ Мстиславу сказать: „се уже мы идемъ на судъ Божій, потщитеся како боле могуче“, и всталъ пошелъ къ Василеву, и исполчивъ полки свои пошелъ мимо Василева черезъ Стугну, и придя къ валамъ и не проходя къ валу, сталъ тутъ съ полками своими на ночь. И настигъ ихъ у Перепетовыхъ, желая биться съ нимъ, сторожа поѣхали подъ юрьевы полки, и гонялись съ ними.

Въ четвергъ 19-го іюля, раньше солнца, Изяславъ прошелъ валъ на чистое поле, и пошелъ биться, гдѣ стоялъ Юрій, посылая пословъ о мирѣ. Но Ольговичи и половцы не давали мириться, понеже были скоры на кровопролитье. Стояли до вечера. Юрій, перейдя за Рутъ, сталъ. На разсвѣтѣ въ пятницу, 20-го іюля, Изяславъ, исполчивъ вои пошелъ къ нему. Юрій же не хотѣлъ биться, ожидая Владимира. Изяславъ снова приступилъ, но настала мгла, было видно только до конца копья, и пошелъ дождь. Обѣ стороны приперлись къ озеру, и оно ихъ раздѣлило, и нельзя было идти другъ на друга. Въ полдень мгла поднялась, разъяснилось небо, увидѣли полки по обѣ стороны озера, и такъ бились на крыльяхъ, а самимъ полкамъ пельзя было съѣхаться. Къ вечеру Юрій пошелъ за шоломя. Изяславъ пошелъ за нимъ на верхъ озера, желая биться. Юрій же передъ нимъ зашелъ за Малый Рутецъ и перейдя грязи (грязину), тутъ и сталъ на ночь. Изяславъ сталъ противъ него, такъ что стрѣлы не доходили. Въ пятницу 20 іюля, какъ началась заниматься заря, прежде въ полку Юрія въ бубны и трубы вострубили, полки стали доспѣвать. Такъ же и у Изяслава начали бить въ бубны и трубить въ трубы, полки стали доспѣвать. Юрій же, доспѣвъ свои полки, пошелъ на верхъ Рутьца. Изяславъ пошелъ за нимъ. Когда были къ верхъ Рутца, тогда Юрій и половцы дикіе, поворотя свои полки, пошли къ Великому Рутови, не желая биться, но желая зайти за Рутъ и здѣсь ждать галичкаго. Изяславъ, видя то, пустилъ на нихъ своихъ стрѣльцовъ, черныхъ кло-

буковъ и русь, и они начали наѣзжать на задъ полковъ, перестрѣливаться, и отнимать возы. Юрій, видя что имъ нельзя уже перейти за Руть, оборотился полками своими и сталъ. Андрей Юрьевичъ началъ рядить полкъ отца своего, такъ какъ былъ тогда старшій въ братьѣ, увидѣвъ стоящихъ назади половцевъ, и къ нимъ погналъ, укрѣпляя ихъ на брань, и оттуда въѣхалъ въ полкъ свой и укрѣпилъ дружину свою о тотъ чинъ (часъ). Изяславъ же и Ростиславъ пригнали къ Вячеславу (стоялъ внѣ полковъ изъ-за старости) и тутъ поклонились ему и поѣхали въ свои полки. Изяславъ же въѣхалъ въ свой полкъ и послалъ по всѣмъ своимъ полкамъ. говоря: „смотрите на мой полкъ и какъ пойдетъ мой полкъ, такъ и вы пойдете“, и тако полки пойдоша къ себѣ. Яко же и еще полкомъ идущимъ къ себѣ, Андрей възмя копье и ѣха напередъ, и съѣхася переже всѣхъ, и изломи копье свое. Тогда бодоша конь подъ нимъ въ ноздри, конь же нача соватися подъ нимъ, и шеломъ оторгоша, но спалъ съ него, и щитъ на немъ оторгоша, но сохраненъ безъ вреда. И тако передъ всими полками въѣхалъ Изяславъ одинъ въ полки ратныхъ, и копье свое изломи, тутъ его сѣкоша въ руку и въ стегно его бодоша и съ того летѣ съ коня. Соступившимся полкамъ была сѣча крѣпкая, и здѣсь побѣдили Юрія. Юрьевы же половцы ни по стрѣлѣ пустивши, тогда побѣжали, а потомъ Ольговичи, а потомъ побѣжалъ Юрій съ дѣтьми. При бѣгствѣ черезъ Рутъ много потонуло дружины, былъ грязокъ (грязна), и здѣсь убили Владимира Давидовича. Изяславъ же лежалъ раненъ и одинъ пѣшецъ (кіянинъ, по ошибкѣ) выпза мечь свой и началъ сѣчь по шелому, на шеломѣ надъ челомъ былъ написанъ св. муч. Пантелеймонъ золотой и ударилъ его мечомъ и вшибся шеломъ до лба. Но Изяславъ снялъ съ себл шеломъ и позна его. Тогда же на полчищи Изяславъ послалъ Изяслава Давидовича съ тѣломъ его брата и съ Романомъ Ростиславичемъ и съ дружиною къ Вышегороду, съ приказаніемъ ему быть въ Вышегородѣ нынѣ же до вечера. Давидовичъ той же ночи перевозишася черезъ Днѣпръ у Вышегорода и на другой день поѣхалъ къ Черниговy. Юрій перебѣжалъ въ полдень Днѣпръ въ лодьяхъ, а

прочіи перебрели у Треполя (Витичева), и поѣхалъ къ Переяславлю. Половцы бѣжали домой. Святославы Ольговичъ и Всеволодичъ перебрѣли выше Заруба и въ Городецъ, а Всеволодичъ далѣе къ перевозу ко Деснѣ, и тутъ узналъ, что Давидовичъ уже въ Черниговѣ, и побѣжалъ къ Новгороду Сѣверскому, куда поспѣшилъ и Ольговичъ. Владиміръ галичкій, дойдя до Божьскаго (Бужскаго), узналъ, что Юрій разбитъ, и тако со тщаніемъ оборотяся, пошелъ къ Галичю. Изяславъ пришелъ къ Кіеву и началъ доспѣвать на Юрія къ Переяславлю, а Ростиславъ пошелъ къ Смоленску. Между тѣмъ Мстиславъ Изяславовичъ (посолъ отъ котораго былъ у Изяслава въ Звенигородѣ 18 іюля) съ уграми пришелъ къ Сапогыню. Владимиръ Андреевичъ выслалъ ему питье много изъ Дорогобужа, и ночью напалъ на него Владиміръ галичкій, и Мстиславъ бѣжалъ въ Луцкъ.

Изяславъ, узнавъ о пораженіи сына, рече слово то, яко же и переже слышахомъ: „не идетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту“.

21-го іюля (вѣроятно) Изяславъ пошелъ къ Переяславлю противъ Юрія.

ГЛАВА III.

Первая битва на рѣкѣ Липицѣ, 27-го іюня 1177 года.

(Владимирской губ.).

Въ лѣтописи сохранилось описаніе двухъ битвъ на Липицѣ въ 1177 и 1216 годахъ. Пока еще не выяснено вполнѣ, были ли обѣ битвы на одной и той же мѣстности или въ разныхъ, равно не выяснено гдѣ эти Липицы, тѣмъ болѣе, что для Владимирской губерніи въ нашемъ распоряженіи имѣется лишь 10-тиверстная карта, которая слишкомъ слѣпа. Ниже мы постараемся уяснить себѣ этотъ вопросъ, пользуясь и розысканіями графа Уварова, въ его статьѣ „Двѣ битвы по лѣтописямъ и по археологическимъ изысканіямъ“, въ „Древности. Труды Импер. Археолог. Общества“, томъ II, выпускъ 2, стр. 120—132, изданія 1852 г., гдѣ говорится именно о Липецкихъ или Липицкихъ битвахъ.

Въ изданномъ въ 1852 г. генеральнымъ штабомъ военно-статистическомъ обозрѣніи Россійской Имперіи, Владимирская губернія, на стр. 77 и 261, сказано, что въ самомъ городѣ Юрьевѣ въ р. Колокшу впадаетъ р. Гза, длиною въ 15—20 верстъ, замѣчательная по двумъ кровопролитнымъ битвамъ, бывшимъ на ея берегахъ. Первая происходила въ 1176 (1177) г. на Юрьевскомъ полѣ, между Всеволодомъ и ростовцами, вторая въ 1216 г. между Константиномъ и Георгіемъ, и извѣстна подъ названіемъ Липецкой, по мѣсту гдѣ происходила. Юрьевъ лежитъ по берегамъ Колокши и съ восточной стороны огибается рѣкою Гзою, впадающею въ

Колекшу съ лѣвой стороны, почти въ центрѣ города, берега рѣкъ тутъ низки и болотисты, а потому Юрьевъ лежитъ какъ бы въ ямѣ. Кремль, обнесенный земляным валомъ, съ юга омывается Гзою.

Вотъ лѣтописное описаніе первой Липецкой битвы 1177 года.

Въ 1177 году умеръ 20-го іюня въ субботу Михалко на Волгѣ въ Городцѣ, и владимірцы цѣловали крестъ Всеволоду Юрьевичу, а ростовцы призвали Мстислава Ростиславовича изъ Новгорода, и онъ прибывъ къ Ростову и собравъ ростовцевъ, бояръ, гридьбу и пасынковъ, и всю дружину (старѣйшая), пошелъ къ Владиміру. Всеволодъ вышелъ ему на встрѣчу съ владимирцами, дружиною, и послалъ Ярославля Мстиславича за переяславцами. Всеволодъ, будучи за Суздалемъ, увидѣлъ чудную Матерь Божію Владимирскую и весь градъ и до основанья аки на воздусе стоящь. Это видѣлъ князь и весь полкъ, ты, говорили: „княже, правъ еси, поѣди противу ему“.

Всеволодъ прибылъ къ Юрьеву, и сождася съ переяславцы, переѣхалъ рѣку Кзу въ суботу рано, и поѣхалъ къ Мстиславу, полки нарядивъ. Стрѣльцемъ стрѣляющимся межи полками, поидоша къ себѣ на грунахъ обои, и покрыша поле Юрьевское, произошелъ бой 27 іюня, на память св. Самсона странноприимца, и Мстиславъ побѣже въ Ростовъ, а потомъ въ Новгородъ, а оттуда въ Рязань, къ Глѣбу.

ГЛАВА IV.

Вторая битва на р. Липицѣ, 21-го апрѣля 1216 года.

(Владимирской губерніи).

Здѣсь сохраняетъ силу все сказанное нами въ началѣ главы III о первой Липецкой битвѣ 1177 г. Можетъ быть, впослѣдствіи, по мѣрѣ изысканій на самой мѣстности, удастся описанія этихъ двухъ одноименныхъ битвъ совершенно отдѣлить одно отъ другаго такъ, какъ онѣ раздѣлены временемъ почти 40 лѣтъ.

Пока мы помѣщаемъ лишь лѣтописное описаніе этой второй Липицкой битвы. Добавимъ, что, какъ мы это говоримъ ниже, въ главѣ XIII, существуетъ спорное мнѣніе о булатномъ великокняжескомъ шлемѣ, съ надписью „великій Архистратиже Господень Михаиле помози рабу своему Феодору“, найденномъ въ 1818 г. въ лѣсу, въ землѣ подъ кочкой, близъ рѣки Колокши, вмѣстѣ съ скипѣвшеюся отъ ржавчины кольчугою. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Вельтманъ, въ своемъ трудѣ Московская оружейная палата, изданіе Москва, 1844 года, стр. 74, и помѣщаетъ рисунокъ этого шлема, какъ шлема Ярослава Всеволодовича, въ крещеніи Феодора. Еще не вполнѣ обслѣдовано, относится ли этомъ шлемъ къ Липецкой битвѣ или къ одной изъ битвъ на Колокшѣ, о которыхъ мы говоримъ ниже въ главахъ V, VI и VII. У Вельтмана описанъ также и найденный на рѣкѣ Сити шлемъ Георгія Всеволодовича, павшаго въ 1237 г. въ битвѣ съ та-

тарами на р. Сити. Изъ этого мы видимъ, что слѣдовало бы подробнѣе обслѣдовать поля сраженій.

Въ 1213 г. новгородцы приняли къ себѣ Ярослава Всеволодича (вѣроятно 21 мая, по Новгор. 1888 г., 197). 11 февраля въѣхалъ въ Новгородъ Мстиславъ: „пакы ли а головою повалю за Новгородъ“. Ярославъ узналъ объ этомъ на Торжкѣ и изгошиша твердь; а пути отъ Новгорода всѣ засѣкоша и р. Тхверцу, Въ мясопустную суботу Ярославъ схватилъ 2.000 новгородцевъ въ полѣ за Торжкомъ (Новый Торгъ).

Въ 1214 (1216 г.), во вторникъ 1 марта по чистой недѣли, пошелъ Мстиславъ съ новгородцами на Ярослава, поиде Серегеремъ (Серегиромъ) и вниде въ свою волость, и рече новгородцамъ: „идите въ зажитія, толико головъ не емлете“. Идоша, исполнишася корма, и сами и кони (въ новгородской волости былъ голодъ), и быша верху Вълзѣ, осѣлъ Святославъ Ржевку (въ спискѣ городовъ, Новгор. 1888, 448, показаны Пустая Ржова на Волгѣ и Ржова), городецъ Мстиславль, съ полкы въ 10.000. Мстиславъ же съ Владимиромъ пльсковскимъ пошелъ вборзѣ въ 500, только бо всѣхъ вой бяше. Ярунъ съ 100 затворился въ Ржевкѣ и отбился отъ Святослава, и они побѣгли прочь. Мстиславъ взялъ Зубчевъ. И быша на Возузѣ, приде изъ Смоленска Владимиръ Рюриковичъ со смолнянами, послаша на Торжекъ къ Ярославу о мирѣ, и сташа на Хъльхне (Холохолнѣ), идоша по Волзѣ, воюючe, и рекоша ему: „княже, пойди къ Торжку“. Рече же Мстиславъ: „пойдемъ къ Переяславлю, есть у наю третій другъ“. Аще поидемъ къ Торжку, попустошимъ новгородскую волость“. И поидоша къ Твери и начаша жечи. И не бы вѣсти, гдѣ Ярославъ, въ Торжку ли, въ Тхвери ли. И Ярославъ слышавъ, что емлютъ села, ѣха изъ Торжку въ Тверь, поимавъ съ собою старѣйшіе боляре и новгородцы и молодыхъ изборомъ, а новоторжцы вси, и посла 100 мужъ избранныхъ въ сторожу. Они же выѣхавше, за 15 верстъ отъ града, явишася, ту бо стали бяху князи наши, поставльше полки, творяху рать велику. И наѣхаша на Яруна сторожи за Тхверью Ярославли, и Ярунъ ихъ побиша, а иніи убѣжали въ Тхверь, то же бысть первая побѣда на Благовѣщенье, 25 марта.

И бѣ вѣсть у тѣхъ, что Ярославъ въ Твери, и тако ѣздяху въ зажитье не боящеся. И оттолѣ послаша Яволода, боярина Владимира, къ Констаптину Всеволодовичу въ Ростовъ, а Владимира псковскаго со псковичи и смолняны на рубежь послаша проводити, а сами съ новгородцами пошли по Волгѣ воюючи, и пожгли Шешу и Дубну, а Владимиръ со псковичами и смолнянами взялъ городъ Кснятинъ и сожгли его и все Поволжье. И срѣте воевода Еремѣй отъ князя Константина изъ Ростова нашихъ князей съ помочью въ 500 мужей, и просилъ Константинъ прислать Всеволода. И ту отрядиста Всеволода съ вои многими и послаша ко князю Константину. А сами поидоша по Волгѣ внизъ, и ту пометаша возы, на кони полѣзоша, и поидоша къ Переяславлю воюючи. И быша на Городищѣ на рѣкѣ Саррѣ у св. Марины, 9 апрѣля на великъ день (въ великую субботу). И ту пріѣха Константинъ съ ростовцами. И отрядиша Владимира псковскаго съ дружиною въ Ростовъ, а сами пришедше съ полки, сташа противу Переяславлю, въ Фомину недѣлю (съ 17 по 24 апрѣля). И ѣхавше изъ полковъ подъ городъ, яша человѣка и испыташа, оже князя Ярослава въ городѣ нѣту, пошелъ бо бяше къ князю Юрію съ полки, съ новгородцы, съ новоторжцы. А князь Юрій со Святославомъ и Владимиромъ вышелъ изъ Владимира, съ полци сильны вельми, муромци, бродници (бронники), городчане, и вся сила суздальской земли, бо погнано и изъ поселей и до пѣшьца.

И стаста Ярославъ и Юрьи на р. Кзѣ, а Мстиславъ и Владимиръ съ новгородцами постависта свои полки близь Юрьева, и ту стояста; а князь Константинъ далече стояше съ своими полки, на р. Липицѣ. И узрѣша полки Ярославли и Юрьевы стояща, и послаша Ларіона сотского ко князю Юрію: „кланяемся, нѣту намъ съ тобою обиды, обида намъ съ Ярославомъ“. При переговорахъ было, между прочимъ, высказано: „при нашихъ полцѣхъ“,—„князи мудри суть и рядни и хоробри, а мужи ихъ новгородцы и смолняне дерзи къ боеви, а Мстислава Мстиславича и сами вѣдаета о томъ племяни, оже дана ему отъ Бога храбрость изо всѣхъ“. „Не было того ни при прадѣдехъ, ни при дѣдехъ, ни при отцѣ

вашемъ, оже бы кто вшелъ ратью въ сильную землю въ Суздальскую, оже вышелъ цѣлъ, хотя бы и вся руская земля, и галичская и кіевская и смоленская и черниговская и новогородская и рязанская, никако противу сей силѣ успѣютъ; аже нынѣшніи полци, право наверженъ ихъ сѣдлы". Юрій и Ярославъ почаста позывати къ Липицамъ на бой.

Мстиславъ и Владимиръ призваста князя Константина, и гадавша съ нимъ много и цѣловаста крестъ, яко не быти въ немъ перевѣту, и поидоста той нощи. Пополошилися стояща защиты всю нощь, кликоша бо во всѣхъ полцѣхъ, и въструбиша въ княжихъ Константиновыхъ полцѣхъ. Слышаста Юрій и Ярославъ, хотѣста побѣгнути, и уяшася за малымъ. Заутра же пріидоша князи къ Липицамъ, гдѣ ихъ позывали, а они тое ночи прескочили за дебрь; и есть гора словеть Авдова, ту поставиши князи Юрьи и Ярославъ свои полки; а Мстиславъ, Владимиръ, Константинъ и Всеволодъ поставиша полки свои на другой горѣ, еже словеть Юрьева гора, а ручей посреди тоя горы, имя ему Тунегъ. И посласта князи къ князю Юрію 3 мужи: „или не даси мира, да отступите дале на ровно мѣсто, а мы на ваши стороны поидемъ; или мы отступимъ на Липицы, а вы на наши станы". Юрій рече: „не отступаю; пошли чрезъ землю, то ци сее дебри не преидете". Надѣяше бо ся на твердь, бяше бо плетенемъ оплетено то мѣсто и насовано колья, ту бо стояху глаголюще: „егда ударятъ на насъ въ нощь". То слышавъ князи, и посласта противу Ярославлихъ людій молоды битися, и бишася тп день и до нощи. Но бьяхутся не присердно, бяше бо того дни буря и студено вельми. Заутра же хотѣша поити ко Владимиру, не заимаючи полковъ почаша доспѣвати въ станѣхъ. Они же видѣвше, съ горы начаша сходити, глаголюще: „отбѣжати имъ". Сп же текше въспятиша ихъ назадъ, и ту пристиже Владимиръ плесковскій изъ Ростова. И начаше думати князи. Константинъ молвитъ: „ожо пойдемъ мимо ихъ, и възмутъ ны въ тылъ, а другое мои люди къ боеви не дерзи, тамо и разидутся въ городы". Мстиславъ рече: „Гора намъ не поможетъ, ни гора насъ побѣдитъ. Но зряще на креста честнаго и на правду, пойдемъ къ нимъ".

И почаша ставити полки: Владимиръ Смоленскій поставн полки своя съ края, а отъ него ста Мстиславъ и Всеволодъ съ новгородцы, и Владимиръ Плесковскій съ плесковичи, а отъ него ста князь Константинъ съ ростовцами. Ярославъ же ста своими полки съ муромскими и съ городчаны и съ бронники (бродники) противу Владимиру и смолнянамъ, а Юрій сталъ противу Мстиславу и новгородцевъ со всею землею Суздальскою, а меньшая братья его противу князю Константину.

Мстиславъ съ Владимиромъ укрѣпляли новгородцевъ и смольнянъ: мы вошли въ землю сильную, станемъ крѣпко, не озираясь назадъ, побѣгше не уйдемъ, забудемъ дома, женъ и дѣтей, кому не умирать? кто хочетъ пѣшъ, кто хочетъ на конехъ. Новгородцы отвѣчали: не хотимъ измрети на конехъ, но какъ отцы наши бились на Колагшѣ пѣши, (очевидно въ 1097 году, про первую колочскую битву). Мстиславъ былъ радъ такому ихъ воодушевленію. Новгородцы ссѣли съ коней, сбросили съ себя порты и сапоги, побѣжали босы. Смольняне также побѣжали. За ними Владимиръ отрядилъ Ивора Михайловича съ полкомъ, а сами князи и всѣ воеводы (вои) пошли за ними на коняхъ. Когда полкъ Ивора былъ въ дебрѣ, то подъ нимъ споткнулся конь, пѣшци же не ожидая Ивора (съступъ былъ въ обѣдъ годъ), ударили на Ярославлихъ пѣшцѣвъ, и кликнуша, они вергше кіи, а они топоръ, отбѣжати имъ (и кликнувше, вргоша они кіи, а сіи топоры, отбѣжати имъ;—ударища на Ярославлихъ пѣшцевъ съ топорки и съ сулицы, а они противу имъ также), они же побѣгоша и начали ихъ бить, подсѣкли стягъ Ярослава. Князья же еще не доѣхали. Мстиславъ увидѣлъ это и сказалъ Владимиру: не дай Богъ выдать добрыхъ людей, и ударилъ со своимъ полкомъ сквозь своихъ пѣшцевъ, а Владимиръ со своимъ, Всеволодъ съ дружиною, подоспѣли и Владимиръ со псковичами и Константинъ съ ростовцами. Мстиславъ три раза проѣхалъ насквозь полки Юрьевы и Ярославли сѣкучи людей, топоръ былъ у него съ паворозою на рукѣ, а также сѣкъ и Владимиръ (на Мстислава наѣхалъ славенъ богатырь Александръ Поповичъ). Сдѣлалась брань велика, досѣклись

Увд. библ-ка Воен. Мор. Акад. РККА им. т. ВОРОШИЛОВА

до товаровъ. Юрій и Ярославъ побѣжали съ меньшей братьей и муромскими князьями (Новгородская лѣтопись дѣлитъ бой: на съступъ, гдѣ убито 3 новгородца, и на загонъ, гдѣ убито 2 ихъ). Мстиславъ уговаривалъ новгородцевъ не бросаться къ товарамъ, а вести бой: иначе вернутся и приведутъ насъ въ смятеніе. Новгородцы не думали о товарахъ, а смольняне бросились на грабежъ. Было у Юрія стяговъ 13, трубъ и бубновъ 60; у Ярослава 17 стяговъ, трубъ и бубновъ 40. Суздальцевъ убито 9,233 или 17,200, кромѣ пѣшцевъ; взято въ станахъ 60; новгородцевъ, смольнянъ, ростовцевъ, псковичей 550, кромѣ пѣшцевъ. Крикъ раненыхъ былъ слышенъ въ Юрьевѣ. Бѣжали къ Владимиру, къ Переяславлю, въ Юрьевъ. Юрій стоялъ противъ Константина и увидя Ярославовъ полкъ побѣжавшимъ, самъ побѣжалъ и былъ во Владимирѣ въ полдень на четвертомъ конѣ, трехъ удушивъ; къ вечеру прибѣжали раненые и нагіе люди. Ярославъ также прибѣжалъ въ Переяславль. Мстиславъ тотъ день стоялъ на полчищѣ (побѣдище) и тихо пришелъ къ Владимиру, и объѣхалъ его и сталъ въ недѣлю по рану. Той же ночью загорѣлся въ городѣ княжъ дворъ, а во вторникъ на ночь, во 2-й часъ ночи снова загорѣлся городъ и горѣлъ до свѣта. Но Мстиславъ и Владимиръ не пустили новгородцевъ и смольнянъ на взятіе города. На другой день рано Юрій сдался, и отплылъ на лодьяхъ и насадахъ въ Радиловъ Городецъ. Князья пошли къ Переяславлю, въ пятницу 3 недѣли по Пасхѣ. Но Ярославъ во вторникъ выѣхалъ изъ города на встрѣчу Константину, и помирились, недойдя до Переяславля. Въ среду на Преполовеніе, пришли къ Переяславлю, и Мстиславъ, не входя въ городъ, сталъ станами и простоявши ночь пошли; Мстиславъ въ Новгородъ, Константинъ во Владимиръ, Владимиръ въ Смоленскъ, другой Владимиръ къ Пскову.

ГЛАВА V.

Первая битва на рѣкѣ Колочкѣ, 7 марта 1097 г.

(Владимирской губерніи).

Въ лѣтописи сохранена память о трехъ битвахъ на Колочкѣ въ 1097, 1176 и 1177 годахъ, причемъ наименованіе очень искажено въ различныхъ спискахъ: Колакша, Колагша Колочка, Кулачка, Кулашка, Кулацска. Въ военно-статистическомъ обозрѣніи Россійской имперіи, департамента Генеральнаго Штаба, изданія 1852 г. Владимірской губерніи, на стр. 76, показана рѣка Колокша, какъ лѣвый притокъ р. Клязьмы, и упомянуто, что на ея берегахъ произошла битва 1177 г. между Всеволодомъ и Глѣбомъ, и что въ Колокшу, съ ея лѣвой стороны, впадаетъ незначительная, длиною въ 25 верстъ, рѣчка того же имени (ниже, мы увидимъ, что эту рѣчку считаютъ впадающею также и справа).

Въ сборникѣ „Древности. Труды Импер. Московскаго Археолог. Общества, томъ XI, выпускъ 2, Москва. 1886 г., подъ редакціею Румянцова, помѣщена статья Тихоправова, Битва при рѣкѣ Колокшѣ, на горѣ Прусковой, въ 1177 г.“. А также въ Археологическихъ извѣстіяхъ и замѣткахъ, издаваемыхъ Импер. Москов. Археолог. Обществомъ, томъ VI, Москва. 1898 г. въ статьѣ Бунина. О значеніи слова „пожаръ“, въ смыслѣ названія мѣстности, въ старину (къ вопросу о мѣстѣ сраженія подъ Суздалемъ въ 1097 г.).

Въ обѣихъ этихъ статьяхъ объясняется слѣдующее. Въ 6 верстахъ отъ Ставрова, въ приходѣ села Карачарова, есть

сельцо Турино, черезъ Туринскія владѣнія протекаетъ рѣчка Колочка, впадающая тутъ въ рѣку Колокшу съ правой стороны, неподалеку Коковинскій лѣсъ и гора, донынѣ называемая Пруссовская. Кромѣ того, при Туринѣ находится Пруссово поле. Отысканіе урочищъ съ этими названіями, донынѣ сохранившимися, даетъ, по мнѣнію Тихонравова, право съ вѣроятностью полагать, что битва въ 1177 г. должна была произойдти именно здѣсь, въ этой мѣстности. Турино въ 23 вер. отъ Владимира, станція Ундолъ въ 30 вер. отъ Владимира, и въ 15 вер. отъ Ставрова. Трактъ отъ Владимира къ Москвѣ, называемый Стромынка, упоминаемый въ актѣ XVII вѣка, идетъ черезъ Пехра, Стромынь, Храпковъ, Киржачъ, Лодыгино, Желдыбино, Ильинское-Стромилово. Рѣка Колокша вытекаетъ изъ болотъ у села Ненашевскаго, повыше г. Юрьева Польскаго.

Бунинъ, по поводу слова „пожаръ“ говоритъ, что употреблявшееся въ старину слово „пожаръ“ служило для обозначенія торговой площади, и съ теченіемъ времени, постепенно, замѣнилось словомъ площадь. Бунинъ указываетъ, что въ Историч. собраніи о Богоспасаемомъ градѣ Суздалѣ, Ананія Федорова, говорится: „отъ града Суждаля на полдень, по пути къ граду Владимиру, 3 вер. мѣрныхъ, есть Минино селище, и за нимъ торговище“. Въ 1588 г. мѣстность, по обѣ стороны Владимирской дороги, отъ с. Минина до г. Суздаля была незаселена и называлась пустошами Мажарами или Мжарскою и Мининскою. Надо полагать, что подъ урочищемъ Кулачкой разумѣлся нынѣшній оврагъ Каршинскій, проходящій близъ южной границы дачи пустоши Мининскія селища. Сѣверная граница этой дачи пересѣкаетъ большую дорогу въ 2 вер. отъ Суздаля, а южная въ 5 вер., съ западной стороны къ ея границѣ отъ с. Чернижъ подходитъ вершина оврага Межнишнаго, а южная граница ея проходитъ близъ большаго оврага Каршинскаго, который вершиною своею пересѣкаетъ большую дорогу, направляется сперва на с. в., а потомъ на в. и выходитъ устьемъ своимъ въ р. Нерль, нѣсколько выше Малыя Городища. Такимъ образомъ, селеніе Минино находилось по срединѣ этой дачи. Но въ

Стародубъ-Ряполовскомъ уѣздѣ, не ближе 50 вер. къ в. отъ Суздаля, имѣется волость Пожаръ.

Такимъ образомъ, мы пока, до разъясненій отъ мѣстныхъ изслѣдователей, ничего не можемъ сказать окончательнаго о мѣстахъ этихъ трехъ Колочскихъ битвъ. Орловъ, въ своемъ крайне интересномъ изслѣдованіи, „Происхожденіе названій русскихъ и нѣкоторыхъ западно-европейскихъ рѣкъ, городовъ, племенъ и мѣстностей“, Вельскъ, изданіе 1907 г., на стр. 20, перечисляетъ и Колокшу, какъ финское названіе. Но мы, слѣдуя высказанному нами въ главѣ VIII предположенію о нашемъ происхожденіи отъ дако-гетовъ, склонны въ Колакшѣ видѣть одноименность съ дако-гетскою, а нынѣ венгерскою Колочью, Колочкою, а потому, впредь до болѣе точнаго разъясненія, будемъ называть эти три битвы, битвами на Колочкѣ.

Переходимъ къ изложенію описанія первой Колочской битвы, 7 марта 1097 г., между Олегомъ и Мстиславомъ.

Послѣ битвы 19-го іюля 1096 г. у Переяславля, Святополкъ съ Владимиромъ, вѣроятно черезъ Зарубъ, двинулись въ догонку за Бонякомъ за Рось и на Богъ (Бугъ). Олегъ же придя (вѣроятно въ іюлѣ 1096 г.) къ Смоленску, „поимъ вои и пойде“ къ Мурому, гдѣ находился сынъ Владимира Мономаха, Изяславъ, собравшій вои многи изъ Суздаля, Ростова, Бѣлозерья; 6-го сентября 1096 г. произошла битва у Мурома; Изяславъ исполчився предъ градомъ на полѣ, Олегъ же поиде къ нему полкомъ, и сступишася обои, и бысть брань люта, и убиша Изяслава, прочіи же вои побѣгоша, ови черезъ лѣсъ, другіе въ городъ. Олегъ же вниде въ городъ и пріяша его горожане. Въ письмѣ своемъ Олегу, написанномъ въ 1097 г., Владиміръ говоритъ: „егда убиша же убиша дѣтя мое и твое передъ тобою“, „тѣмъ бо путемъ шли дѣды и отци наши: судъ отъ Бога ему пришелъ, а не отъ тебе“, „дивно ли, оже мужъ умерлъ въ полку ти“, „но добра хочю братья и русьскѣй земли“.

Олегъ, занявъ Муромъ, двинулся на Суздаль и „омиривъ городъ“ пошелъ на Ростовъ, который и занялъ. Тогда изъ Новгорода выступилъ Мстиславъ Владимировичъ, другой сынъ Мономаха, на Олега, который стоялъ на полѣ у Ростова, выдвинувъ въ сторожѣ брата своего Ярослава на Мед-

вѣдицу. Впереди Мстислава шелъ въ сторожѣ Добрыня Рагуиловичъ, и схватилъ данниковъ Олеговыхъ. Узнавъ объ этомъ, Ярославъ бѣжалъ въ ту же ночь къ Олегу, который вернулся къ Ростову. Мстиславъ пришелъ на Волгу. Олегъ къ Суздалю и, зажегши его, къ Мурому. Тогда завязались переговоры, и Мстиславъ „распусти дружину по селомъ“. Но въ Федорову суботу за обѣдомъ, Мстиславъ получилъ вѣсть, что Олегъ на Клязьмѣ, близь бо бѣ пришелъ безъ вѣсти, такъ какъ Мстиславъ „не постави сторожовъ“, довѣрившись Олегу. Олегъ же остановился на Клязьмѣ, мня яко убояся его Мстиславъ побѣгнетъ, къ Мстиславу же собрася дружина въ тотъ день и въ другій новгородцы, ростовцы и бѣлозерцы. Мстиславъ сталъ передъ городомъ (вѣроятно Суздалемъ), исполчивъ дружину. „Не поступи ни Олегъ къ Мстиславу, ни Мстиславъ на Олга, и стояста противу собѣ днiй четыре“. Мстиславъ получилъ вѣсть, что Мономахъ послалъ ему брата Вячеслава Владимировича съ половцами, которые и пришли въ четвертокъ по Федоровой недѣлѣ поста, т. е. 6-го марта.

Вотъ описаніе битвы по лѣтописи: „въ пятокъ (въ пятницу 7-го) пришелъ Олегъ, исполчився, ко граду, а Мстиславъ приде противу ему съ новгородцы. И вдавъ Мстиславъ стягъ Володимерь половчину именемъ Кунуи (Кунай, Куману) и да ему пѣшци, и постави на правомъ крилѣ. И пойдоша къ боеви противу себѣ, и понде (установися) Олегъ противу Мстиславу, а Ярославъ понде противу Вячеславу. Мстиславъ же перешедъ пожаръ (жаръ) съ новгородцы, и ссѣдоша съ коней новгородцы, и ступишася на Кулачьцѣ (Кулакши), и бысть брань крѣпка, и нача одоляти Мстиславъ“. „И заведъ Кунай пѣшьцѣ, напя (постави) стягъ Володимерь, и узрѣ Олегъ стягъ Володимерь, и убояся и ужасъ нападе на нь и на воѣ его. И видѣ Олегъ, яко понде стягъ Володимерь, нача заходити въ тылъ его, и убоявся побѣже Олегъ къ Мурому. Оставивъ (затвори) Ярослава въ Муромѣ, Олегъ отошелъ къ Резани. Мстиславъ занялъ Муромъ и Резань, откуда Олегъ выбѣже.

Мы видѣли (въ главѣ IV), что во второй Липецкой битвѣ въ 1216 г. новгородцы отвѣчали: „не хотимъ измрети на коняхъ, но какъ отцы наши бились на Колагшѣ пѣши“.

ГЛАВА VI.

Вторая битва на Колочкѣ, 15 іюня 1176 (1175) г.

(Владимирской губерніи).

Приводимъ лѣтописное описаніе.

Въ 1176 г. Михалко и Всеволодъ Юрьевичи снова пошли изъ Чернигова 21-го мая съ Владимиромъ сыномъ Святослава и его полкомъ. На Свинѣ Михалко заболѣлъ и несли его на носилицѣ до Куцкова, рекше до Москвы, здѣсь присоединились владимирцы съ Юрьемъ Андреевичемъ. Во время обѣда пришла вѣсть, что Ярополкъ идетъ на него съ ростовцами и суздальцами. Московляне вернулись назадъ для обереженія домовъ своихъ отъ Ярополка, а Михалко вышелъ съ владимирцами изъ Москве и пошелъ къ Владимиру. Но Ярополкъ уступи на сторону и инѣмъ путемъ ѣха на Москву, минустася въ лѣсѣхъ. Мстиславъ во Владимирѣ получилъ въ суботу вѣсть отъ Ярополка, что Михалко несутъ на носилѣхъ, съ нимъ дружины мало, азъ по немъ иду, емля задъ дружины его, а поиде вборзе противу ему, чтобы не внидетъ во Владимиръ. Михалку переѣха р. Кулашку (Лакшу), и быша на полѣ Белеховѣ, ѣдущу Владиміру Святославичу напередѣ (не доѣхавшю Владимира за 5 верстъ) срѣте его Мстиславъ со своею дружиною изънезапа, и выступи полкъ изъ загорья, вси въ бронѣхъ, яко во всякомъ леду, и удариша на нихъ изнезапа и подъяша стягъ, Михалку доспѣвающю съ братомъ своимъ Всеволодомъ и наряжающу полки своя пойдоша къ нимъ. Мстиславъ же съ

суздальцы, а Всеволодъ съ владимирцы и съ Владимиромъ, нарядяче полки пойдоша къ нимъ, стрѣлчемъ стрѣляющимъ обопмъ межи полкома. Мстиславичи не доѣхавше повергоша стягъ и побѣгоша, іюня 15 день св. пророка Амоса, въ недѣлю, про то мнози убѣжаша, яко не рознати ратныхъ бѣ ту, и въѣха Михалко во Владимиръ, потомъ ему отдались Суздаль, Ростовъ и Переяславль. Мстиславъ бѣжалъ въ Новгородъ, а Ярополкъ въ Рязань. Михалко пошелъ къ Рязани на Глѣба и дошелъ до Мерьской, какъ Глѣбъ покорился. Олегъ Святославичъ, придя изъ Москвы въ свою волость къ Лопасну, послалъ и занялъ Свѣрилескъ, какъ волость черниговскую. Глѣбъ послалъ на него Юрьевича и произошелъ бой „на Свирильскѣ“, и Олегъ побѣдилъ.

ГЛАВА VII.

Третья битва на Колочкѣ, 28 или 9 февраля 1177 или 1176 г.

(Владимирской губерніи).

Помѣщаемъ лѣтописное описаніе битвы.

Послѣ первой Липецкой битвы 27 іюня 1177 г., Глѣбъ осенью пріѣхалъ на Московь, пожже городъ весь и села. Всеволодъ пошелъ на него, и когда былъ за Переяславлемъ подъ Шерньскимъ лѣсомъ, то къ нему пріѣхали новгородцы, Милонѣжкова чадь, и уговорили его не ходить на Глѣба безъ новгородскихъ сыновъ, и Всеволодъ вернулся во Владимиръ, а Глѣбъ ушелъ въ Рязань. Зимою Всеволодъ пошелъ на Глѣба съ ростовцами, суздальцами, и со всею дружиною Олегъ и Владимиръ Святославичи, Владимиръ Глѣбовичъ изъ Переяславля, и когда пришелъ къ Коломнѣ, то узналъ что Глѣбъ пошелъ къ Владимиру инымъ путемъ и воюетъ около Владимира, и съ нимъ половцы, и взялъ на щитъ села и церковь Боголюбскую.

Всеволодъ возратился отъ Коломны, пришелъ опять въ землю свою, и обрѣте Глѣба стояща на Колакши на рѣцѣ, съ половцы и съ полономъ. И не совкупиша ся бити обои за мѣсяцъ, бѣ бо нельзѣ перенти рѣкы твердью. Всеволодъ же нарядивъ полки на масляной недѣли, и пусти возы на ту сторону рѣки, идѣ же Глѣбъ стояше. Глѣбъ же наряди полкъ со Мстиславомъ Ростиславичемъ на возы. Всеволодъ же посла Владимира Глѣбовича съ переяславцами и нѣколико дружины съ нимъ, гдѣ вози стояхуть противу Мсти-

славу. Глѣбъ, его сынъ Романъ, Игорь и Ярополкъ, перейдя Колакшю (бишася за Колакшею) поидоша ко Всеволоду на Прусскову (Проскова) гору. И не дошедше до стрѣлища одиного Всеволожа полку, и ту абье побѣгнуше переди Мстиславъ на сей (другой) сторонѣ рѣки, а Глѣбъ, постоявъ мало, видѣвъ Мстислава бѣжавша, побѣже. Всеволодъ погна въ слѣдъ ихъ со всею дружиною. Здѣсь захватили Глѣба, Романа и Мстислава. Ярополка сами рязанцы схватили въ Воронажѣ и привели во Владимиръ.

ГЛАВА VIII.

О древнемъ русскомъ вооруженіи (походъ Траяна на Даковъ).

„То бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцахъ нашихъ". Слова Владимира Мономаха.

„Русичи—дажь-божи внуки".

Передъ нами чрезвычайно важный древній военный памятникъ. Это до нынѣ украшающая Римъ колонна императора Траяна, изображающая его войну съ даками, въ 101—102 гг. по Р. Хр. Доказавъ, что даки-славяне, мы получаемъ цѣнный матеріалъ для выясненія древне-славянскаго вооруженія. Значеніе этого памятника для нашей военной исторіи возрастетъ, если мы сумѣемъ доказать, что даки есть наши прадѣды, что они такіе же русы, какими мы привыкли считать варяговъ-русь, основавшихъ наше государство.

Здѣсь мы не намѣреваемся дать всепсчерпывающее изслѣдованіе этого вопроса. На это у насъ нѣтъ ни времени, ни средствъ. Мы желаемъ лишь намѣтить рѣшеніе по тому матеріалу, который находится у насъ подъ рукою, и который спеціально собранъ нами для работъ по древнему русскому военному искусству.

О составѣ населенія дако-гетскаго государства, занимавшаго страну отъ Офенъ-Пешта до Кіева, мы находимъ соображенія въ трудахъ многихъ историковъ [1]), и на основа-

[1]) Забѣлинъ. Богуславскій, Латышевъ, Соловьевъ, Флоринскій, Леопардовъ.

ніи этихъ свидѣтельствъ склоняемся къ выводу, что дако-гетское государство было славянское, и что эти славяне принадлежали къ тремъ разновидностямъ—русской, словацкой и словинской.

Это дако-гетское государство, послѣ долгой и ожесточенной борьбы съ римскою имперіею, пало. Много сохранилось данныхъ, указывающихъ, что населеніе этого славянскаго государства, невынося ига римлянъ и поселяемыхъ ими въ дакскую страну колонистовъ-инородцевъ, переселялось на Днѣпръ. На колоннѣ Траяна есть барельефъ, изображающій это переселеніе. Первѣйшимъ свидѣтельствомъ этого являются слова нашего лѣтописца:

„По многѣхъ же временѣхъ сѣли суть словени по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорская земля и Болгарская. Отъ тѣхъ словенъ розидошася по земли и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Моравѣ, и прозвашася морава, а друзіи чесѣ нарекошася. А се ти же словени: хорвати бѣліи, серпь и хутане“.

Здѣсь лѣтописецъ указываетъ первый случай, и болѣе древній, разселенія славянъ, съ Дуная, съ юга на сѣверо-западъ и сѣверъ. Затѣмъ онъ говоритъ о второмъ, уже въ I—II вѣкѣ по Р. Хр.

„Волохомъ бо нашедшемъ на словены на дунайскіе и сѣдшемъ въ нихъ и насиляющимъ имъ, словене же ови пришедше и сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляховѣ, а отъ тѣхъ ляховъ прозвашася поляне, ляхове друзіи лютиче, иніи мазовшане, а иніи поморяне. Тако же и тѣ же словене пришедше сѣдоша по Днѣпру и наркошася поляне, а друзіи деревляне, зане сѣдоша въ лѣсѣхъ; а друзіи сѣдоша межи Припѣтью и Двиною и наркошася дреговичи; и иніи сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота, отъ сея прозвашася полочане. Словене же сѣдоша около озера Ильмера, и прозвашася своимъ именемъ, и сдѣлаша городъ и нарекоша и Новгородъ; а друзіи же сѣдоша на Деснѣ и по Семи и по Сулѣ и наркошася сѣвера. И тако разидеся словенескъ языкъ, тѣмъ же и прозвашася словенская грамота“.

Изъ этихъ словъ лѣтописца мы видимъ, что часть дунайскихъ славянъ, подъ натискомъ римлянъ, пришла на Десну, Сеймъ и Сулу, и назвалась сѣверою. Возникаетъ вопросъ, гдѣ эта сѣвера жила на Дунаѣ.

Если мы сличимъ мѣстныя названія венгро-румынской полосы отъ Турнъ-Сѣверина до Карлсбурга и Краіовы съ почти такою же площадью полосы Сѣверской земли отъ Чернигова до Переяславля, то увидимъ, наша Алута соотвѣтствуетъ румынской Алутѣ, Десна румынской Деснація или Деснацулъ, правому притоку Дуная (по нѣкоторымъ картамъ также Дринцея); Трубежъ румынскому Турнъ-Сѣверину, въ древности Друбетисъ; на притокъ Десны Стрижень, на которомъ стоитъ Черниговъ, отвѣчаетъ р. Стриги или Стреллъ, на которомъ предполагается столица даковъ Царматегте, названіе схожее съ Черниговымъ, съ Черниговымъ однородно селеніе Церна, показанное въ Певтингеровыхъ таблицахъ и находившееся вѣроятно у устья нынѣшней Церны, гдѣ теперь Орсова, на сербскихъ картахъ Оршава; нашъ Остеръ отвѣчаетъ Остро, Островель, Островуль; Баручъ, Барышъ, Барышевка схожа съ Баресдъ, Барести; нашъ Сибирежъ подходитъ къ Сибисель, Сибизели; наша Оржица, Ожица, Орсовѣ или Оршавѣ; нашъ Омбишъ къ востоку отъ Нѣжина Омпулю, по римски Апула; нашъ Тясминъ Тисману; нашъ Чернинъ румынскому Чернечи; нашъ Гомель или по лѣтописи Гомій, Гомын отвѣчаетъ Гомороду; наша Карань Караншебешу; наши Масаны Масчо, Месчею; наша Ронице, Ранща походитъ на Реа; нашъ Бѣлоусь, Бѣловусъ румынскому Баловиту; наши Форостовичи, къ зап. отъ Новгорода Сѣв. румынскимъ Форосешти; нашъ Козелецъ Козіи; можно думать, что наша Сула отвѣчаетъ румынской Сылъ, Силъ, Шіулъ. Этого взятаго на сравнительно одинаковой и малой площади, достаточно, чтобы имѣть право указать на связь этихъ обѣихъ мѣстностей между собою. Надо принять еще во вниманіе искаженность названій въ нѣмецкой, венгерской и румынской транскрипціи, можетъ быть въ славянской они совсѣмъ между собою не различались. Ниже мы подробно поговоримъ о Царматегте-Стрижени, Стриги и вообще о названіи Сѣверинъ.

Отсюда мы дѣлаемъ выводъ, что большая часть населенія древняго дакогетскаго раіона Турнъ-Сѣверинъ-Карлсбургъ, бывшаго въ 101—102 гг. театромъ военныхъ дѣйствій императора Траяна, выселилась въ раіонъ нашего Сѣверскаго княжества.

Теперь перейдемъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію доказательствъ нашей задачи. Картографическую часть доказательствъ образуютъ подробныя карты австрійскаго генеральнаго штаба масштаба 1/75,000 или около $1^4/_5$ версты въ дюймѣ, румынская 1/50,000 или около $1^1/_5$ вер. и русская 1/126.000 или 3 вер. Наименованіе съ австрійской и румынской картъ мы читаемъ такъ, какъ они написаны латинскими буквами, хотя бы искаженіе названія было-бы вполнѣ очевидно, этимъ мы избѣгнемъ обвиненія въ предвзятости.

Изложимъ наши доказательства въ отдѣльныхъ рубрикахъ.

1. Весь венгро-румынскій раіонъ покрытъ названіями, напоминающими о руси: Пояна Руска, Рускбергъ, Руссъ, Русоръ, Русанешти, Рускова, Рушова, Рушполяна, Рустина, Рутка (есть подъ Кіевомъ р. Рутъ), Ростокъ, Россія, Роскочь, Рочина; ко многимъ селеніямъ прибавленно „Оросъ“, „Орошъ“, „Орочъ“, по венгерски „русь“. Къ селеніямъ, кромѣ „Оросъ“, прилагаются также „Олахъ“ или волохъ, т. е. римскій „Маджаръ“, „Хорватъ“, „Романъ“, „Неметъ“. Это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что населеніе между собою, по крайней мѣрѣ въ старину, различало русовъ, волоховъ, хорватовъ, нѣмцевъ. Объ этомъ распространеніи слова „русь“ мы находимъ богатый матеріалъ въ трудѣ Фаминцына, „Божества древнихъ славянъ“, стр. 208, гдѣ авторъ указываетъ, что не выходя изъ предѣловъ славянскихъ земель, мы можемъ съ убѣдительною наглядностью прослѣдить весь циклъ постепенныхъ видоизмѣненій свойственнаго всѣмъ, преимущественно же западнымъ и юго-западнымъ, славянамъ названія бога солнца, т. е. коня или Хорса-солнца, Хърс, Хорс, Херс, Хирс, Хръс, Хрос, Рос, Рус, Орс, Орш, Рш, оставившаго глубокіе слѣды въ многочисленныхъ географическихъ названіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ производными отъ того же корня названіями народовъ: хорватовъ и руси, находятся, слѣдовательно, въ тѣснѣйшей связи съ наиболѣе

распространеннымъ въ средѣ западныхъ и юго-западныхъ и восточныхъ славянъ культомъ солнца, въ образѣ быстраго, какъ солнечный свѣтъ, свѣтлогриваго коня-Хорса... Къ вышеизложеннымъ словамъ Фаминцына мы можемъ добавить, какъ намъ кажется, имѣющее большой интересъ доказательство какъ соотвѣтствія Хорса коню, такъ, можетъ быть преимущественнаго пріуроченія наименованія Хорсь, Русь западной части дако-гетскаго государства. Для этого мы должны вспомнить походъ Аттилы, настоящее имя котораго, какъ мы будемъ говорить ниже, вѣроятно Гатила, Гетила, отъ названія народа гетовъ, какъ и имя Децебала. До сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ о народности гунновъ и самого ихъ вождя Аттилы, а равно не выяснено мѣсто его главной квартиры во время пріема римскаго посольства въ 448 г. Участникъ этого посольства, Прискъ, говоритъ, что посольство, слѣдуя съ юга отъ Ниша, къ Аттилѣ, перешло рѣки, изъ коихъ самыми большими послѣ Истра были Дриконъ, Тигасъ и Тифисасъ. По другому варьянту посольство переправилось черезъ Тисію, Тибисію и Дрикку, и прибыло на то мѣсто, гдѣ нѣкогда Видикула (скорѣе Видичула), храбрѣйшій изъ готовъ, палъ жертвою коварства сарматовъ. По третьему варьянту, переправившись чрезъ Истръ, проѣхали до рѣки Дренкона и вступили въ Скифію (Латышевъ, Извѣстія, 1, 3, стр. 824, 839, 840). Такимъ образомъ, мы находимъ четыре рѣки: Истръ, Тисію или Тигасъ, Тибисію или Тифисасъ, и Дриконъ или Дрикку или Дренкону. Мы впослѣдствіи докажемъ, почему мы считаемъ Тисію или Тигасъ нынѣшнимъ Темешемъ, про Тибисію или Тифисасъ напомнимъ лишь, что городъ Тевисъ на Марошѣ, къ С. выше Карлсбурга, въ Певтингеровыхъ таблицахъ названъ „по-Тависса“, а потому Тибисіею мы считаемъ Марошъ. Все это мы разсмотримъ, когда будемъ говорить о гуннскомъ походѣ. Здѣсь насъ спеціально интересуетъ рѣка Дриконъ, Дрикка или Дренкона, потому что Истръ очевидно Дунай. Дриконъ мы считаемъ испорченнымъ „Три-конь“, и присваиваемъ это названіе нижнему теченію нынѣшняго Короша, впадающаго въ Тиссу у Чонграда, и образующагося изъ трехъ Коршовъ, Бѣлаго, Чернаго и Быстраго, причемъ Бѣлый

Корошъ начинается въ разсматриваемомъ нами раіонѣ военныхъ дѣйствій Траяна. Не надо особыхъ натяжекъ, чтобы въ венгерской транскрипціи Короша или Кереша увидѣть русскаго Хорса, Хороса или Хорса, тѣмъ болѣе, что эта транскрипція приводитъ такія переименованія: Корошъ или Киртшъ, или Кризо или Крисо, Хорчокъ или Калочъ. Слѣдовательно, вполнѣ можно считать, что нынѣшніе четыре Короша во времена Аттилы назывались Бѣлымъ, Чернымъ и Быстрымъ Хорсами или Росами, Русь, а сліяніе ихъ образовало рѣку Триконь, также какъ и на Дунаѣ мы замѣчаемъ на нынѣшней картѣ Орсову или Хорсову на рѣкѣ Черной, впадающей въ Дунай, а въ Черную впадаетъ Бѣлая, и можно думать, что въ древности рѣка Черная называлась Хорсою или Росью, Русью, и составлялась изъ Бѣлаго и Чернаго Хорсовъ. Это вполнѣ подтверждаетъ выводы Фаминцына, и отчасти выясняетъ мѣсто главной квартиры Аттилы и народность гунновъ. По картѣ Птолемея въ раіонѣ Короша или Хорса мы находимъ народъ „анарти“. Если мы отбросимъ букву *а* часто прилагаемую греками, то получимъ названіе народа „нарти“, „нарси“ или „на-Роси“, „по-Роси“, не говоря уже о соблазнительности примѣнить здѣсь необъяснимое Несторовское „нарицаемѣи Норци, иже суть словенѣ“. Также соблазнительно связать съ именемъ Хорса и рѣки того же имени древняго скифа Анахарзиса, „на-Хорса“, про котораго разсказываетъ Геродотъ (книга IV, 337), какъ о жившемъ въ Скиѳіи, въ Гилеѣ, подлѣ Ахиллесова Бѣга (нынѣ низовья Днѣпра), и котораго за измѣну своей странѣ умертвилъ скиѳскій царь Савлій.

Вспомнимъ здѣсь печальную повѣсть 1213 г. о русскомъ Герсике на Западной Двинѣ (восклицаніе Всеволода: Герсике, милый городъ). Въ дако-гетской странѣ мы находимъ Хорсекъ Герсекъ, отсюда видно, что названіе Герсике ни что иное, какъ Хорсикъ. Сосѣдъ Герсике нынѣшній Кокенгузенъ, Коккенойсъ очевидно родственъ нынѣшнимъ въ Венгріи многимъ Кокеньесъ. Мы объясняемъ это переселеніемъ дако-гетовъ на Западную Двину. [2]) Нельзя не сопоставить

[2]) См. Археологическія извѣстія и замѣтки, издаваемыя Имп. Моск. Археол. Общ. томы IV, Москва 1896 г., III, 1895 г. статьи Харузина о Кокенгузенѣ и Герцеке. Карамзинъ, III, прим. стр. 98.

Мунтянскую землю и волоховъ съ названіями въ Новгородской легендѣ о Мутной и Волховѣ.

Изъ сказаннаго видно, насколько мы въ правѣ назвать древнее населеніе западнаго дако-гетскаго раіона народомъ русскимъ, русью. Слѣдовательно, въ Сѣверскую, нынѣ Черниговскую область пришло населеніе, уже знавшее Хорса, Роса. Упоминаемый въ „Словѣ“ о полку Игоря Сѣверскаго „великій Хорсъ“ еще болѣе свяжетъ черниговскую область съ венгерско-румынскимъ раіономъ.

II. Посмотримъ откуда могло получиться названіе „даки“. Страбонъ, въ своей географіи (переводъ Мищенка, изд. 1879 г., стр. 306), говоритъ, что „есть еще другое дѣленіе гетской земли, идущее съ древнихъ временъ: въ одной части по этому дѣленію обитаютъ такъ называемые даки, въ другой геты. Гетами собственно называютъ тѣхъ, поселенія которыхъ простираются къ Понту и къ востоку, а даками тѣхъ, которые селятся въ противоположномъ направленіи къ Германіи и къ источникамъ Истра. Эти даки въ древности, я полагаю, назывались давами, полагаю это на томъ основаніи, что въ Аттикѣ существовали названія рабовъ: геты, давы. Кажется это вѣроятнѣе, чѣмъ то мнѣніе, будто это названіе рабовъ происходитъ отъ скифовъ, извѣстныхъ подъ именемъ даевъ, которые обитаютъ далѣе, подлѣ Гирканіи, и, какъ кажется, дѣйствительно отправляютъ невольниковъ въ Аттику. Даки и геты говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ“. Такимъ образомъ, Страбонъ намъ удостовѣряетъ, что даки они же и давы. Литовско-латышско-польскій словарь Межиниса показываетъ намъ, что давеясъ, девейсъ, давца означаетъ на русскомъ языкѣ датель, даятель, или мы припомнимъ жизно-давца. Мы видѣли въ землѣ этихъ давовъ городъ Сѣверинъ. Въ „Словѣ о полку Игоря сѣверскаго сказано: „встала обида въ силахъ Дажь-божа внука“, (изданіе Суворина 1904 г. 17 и 19), гдѣ „русичи“ названы внуками Дажьбога. „Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждьбока внука“, гдѣ „русичи“ названы внуками Даждьбога. Уже Грамматинъ и Бутковъ (Барсовъ, Слово, т. III, 187) высказали, что здѣсь дажьбоговымъ внукомъ названъ рус-

скій народъ, здѣсь означается его порожденіе, произведеніе, чѣмъ указывается на происхожденіе руси отъ Дажьбога. Сопоставивъ сказанное выше о происхожденіи названія „давы“ и съ переселеніемъ давовъ въ черниговскую область, мы вполнѣ поймемъ и названіе „внуки Даждьбога“. Основываясь на сохранившихся названіяхъ селеній Даждьбогъ, Дацьбогъ (Фаминцынъ, 214 и Барсовъ, 1,367), мы легко перейдемъ къ имени знаменитаго дакскаго царя, вступившаго въ борьбу съ Траяномъ, Деце-бала, о немъ мы скажемъ обстоятельнѣе ниже. Наша Ипатская лѣтопись сохранила намъ объясненіе „Солнце царь, сынъ Свароговъ (можетъ быть: отъ Сѣвера) еже есть Дажъ-богъ“, „Солнце его же наричютъ Дажь-богъ“. Мѣстныя названія на „дава“, напр. Бурідава, по Птолемею.

III. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію имени дакскаго царя Децебала. Судьба его не могла быть забыта дакскимъ народомъ. Послѣ ожесточенной борьбы съ римлянами за независимость Дакіи, Децебалъ при окончательномъ пораженіи умертвилъ себя. По свидѣтельству Френера (примѣчаніе 14 на стр. VI) въ 1855 г. на мѣстѣ форума Траяна найденъ большой мраморный бюстъ дака, и въ настоящее время онъ хранится въ Петербургскомъ музеѣ (много дакскихъ вещей имѣется въ Пештѣ, Вѣнѣ, Бухарестѣ); можно думать, что это послѣдній царь даковъ Децебалъ. Френеръ приводитъ (примѣчаніе I на стр. V), на основаніи свидѣтельствъ Оросія и Іордана, что царь даковъ Дюрасъ отрекся отъ престола, въ виду предстоящей борьбы съ римлянами, въ пользу Децебала, Декебала, настоящее имя котораго было Діюрпанеосъ, Дорпанеосъ, Діюрпанеи, Дорпанеи, Дорпаніусъ, Дорпонеи (Іорданъ, 76, 148, 149). Чтобы установить понятіе о настоящемъ имени Децебала, приведемъ варьянты по лѣтописи имени Георгій или Юрій: Дюрга, Дюргій, Дюрдя, Гюргій, Гюргя, Юрій, Дюрьдій, Георгій, Гюрга, Гюрята, Гюрій, Юрги, Юрьи, Юрята, это по Ипатской, Лаврентьевской и Новгородской Синодальной лѣтописямъ; Георгій—угринъ, отрокъ князя Бориса Владимировича. Въ Венгріи (стр. 798 Словаря) на картѣ Чентъ-Гіорги, С. Георгенъ, Свати-Юръ, С. Гіерги, С. Оргенъ, Гіере, Гіоргіу, на 10 вер. картѣ эти

же пункты названы С. Діордъ, Дьердьи, Дьердъ. Въ 1030 г. Ярославъ основалъ Юрьевъ или Дерптъ, или по лѣтописи Гурьговъ, Гюричевъ, Гюргевъ (Ипат. 159). Самъ же Ярославъ въ крещеніи Юрій или Георгій. Все это приводитъ насъ къ убѣжденію, что Децебалъ носилъ имя Дюрди-пана, Дор-пана, или Юрія, Дирда или Дира (Ипат. 1213). Слѣдовательно Ярославъ Мудрый, кіевскій Диръ и Децебалъ имѣли одно и то же имя Дира, Юрія, Дора, Георгія. Если же мы примемъ во вниманіе показаніе Фаминцына, 331, что память св. Георгія весенняго празднуется почти одновременно съ торжествомъ гавельбергскаго Яровита, около 15 апрѣля, и бѣлорусскаго Ярила, 27 апрѣля, то языческое имя Ярослава, вполнѣ свяжется въ именемъ Георгія, а отсюда съ именемъ Дира, въ Венгріи селеніе Яровицы или Гіоргифальва. Первая половина имени Децебалъ есть очевидно искаженная Даци, Даки, Давы, Даждь или вѣрнѣе Даждь. Вторая „балъ“ повторяется въ названіи селенія около Гатцега Баломиръ и въ цѣломъ рядѣ селеній въ Венгріи (стр. 40 Словаря), съ переименованіемъ нѣкоторыхъ, напр. Бала или Палота, Бала или Бола. Здѣсь слѣдуетъ вспомнить упоминаемаго въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ тмутороканскаго „балвана“, по литовски „балвонасъ“ или „стабасъ“ кумиръ, идолъ; отсюда недалеко по русски отъ Децебала до Даждьбога.

IV. Ознакомимся теперь съ именемъ дакской столицы, Царматегте. Это одинъ изъ варьянтовъ ея имени. По Птолемею, Царпизегетуза или Зарпизегетуза, по Діо Кассію, Цермицегетуза, по Певтингеровымъ таблицамъ, Царматегте или Зарматегте, по Френеру, Сарматегете, Цермигете. Нынѣ ея положеніе указываютъ въ развалинахъ на высотахъ кругомъ Варгели, иначе Гредистъ или Городища, или же видятъ въ нынѣшнемъ городѣ Хатцегѣ, Хацегѣ, Гатцегѣя, Гацегѣ, смотря по произношенію, онъ же Хотцингъ по картѣ масштаба 1,75000. Мы лично склоняемся за Гатцегъ вообще, а въ частности за тѣ высоты около Гатцега, гдѣ на картѣ помѣщено названіе Орлія или Орля; здѣсь съ военной точки зрѣнія могла произойти послѣдняя оборона столицы, здѣсь былъ послѣдній редюитъ обороны. Самое имя Орли напоминаетъ намъ гетскаго царя Орола или вѣроятно Орла. Что

это недалеко отъ истины, мы видимъ въ томъ, что здѣсь же впадаетъ въ р. Гатцегъ рѣчка Демсусъ, на которой стоитъ селеніе Демсусъ, а въ Орловской губерніи до 1781 г. городъ Болховъ состоялъ въ Демшинскомъ уѣздѣ (В. Стат. Орлов. губ., 130). Слѣдовательно имена Орелъ и Демсусъ какъ то связаны между собою и въ дако-гетской полосѣ и въ нашей Орловской губерніи. Гатцегъ наиболѣе удовлетворяетъ и маршруту Певтингеровыхъ таблицъ. Въ самомъ названіи Гатцегъ какъ бы заключается часть названія Цермигетуза. Около Орліи протекаетъ рѣка Стриги, въ нее здѣсь же впадаетъ Ріу-маре (вѣроятно утратившая русское имя, на нѣкоторыхъ картахъ Стрелъ, на иныхъ Лепусникъ, скорѣе Остеръ, по селенію Островуль), берущая свое начало съ горъ Годеану, 2229 метровъ, Гугу или Жужу, 2294 м., и Капу Прислопулуй, 1842 м. Въ Годеанѣ мы видимъ искаженіе Годанска, Гданска, нынѣшняго Данцига, въ обоихъ видимъ корень имени „Гуды“ или готы, геты, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже. Въ Годеанѣ можно видѣть также и ту гору Когеонъ, о которой мы скажемъ ниже, когда будемъ говорить о гетскомъ мудрецѣ Замолксисѣ. Въ Прислопулуй и тутъ же находящемся Ріушести можно видѣть Преславулуй, Преславль и Русести, что нисколько не противорѣчило бы высокому значенію Замолксиса. Въ Ріу-маре справа впадаетъ Ріу-Русо или рѣка Русь, вытекающая изъ массива Ретизатъ, 2477 метр. Слѣва въ Ріу-маре впадаетъ Гатцегъ, а въ него р. Демсусъ. Вышеназванная рѣка Стриги или Стрижи, Стреллъ, Стреіу, такъ поименованная на нѣмецкихъ картахъ, очевидно носила названіе Саргетія, Сергетія, о которой говоритъ Діо Кассій, а именно о томъ, что въ нее Децебалъ, послѣ паденія столицы, спряталъ свои сокровища, скрывъ ихъ въ руслѣ рѣки, такъ же какъ визиготы Аларіха спрятали свои богатства въ рѣкѣ Бузенто. Въ этомъ видятъ культъ воды, жертвоприношеніе рѣкѣ (Фаминцынъ, 290). Чтобы выяснить вопросъ о Саргетіи обратимся къ литовско-латышскому словарю Межинпса, гдѣ найдемъ по литовски „вартавоти“, или „сергати“, по латышски „саргатъ“, по польски „вартоваць“, „стружоваць“, по русски „караулить“, „стеречь“. Сопоставивъ эти слова

съ названіемъ Стриги, Стрижи, Стреіу, Стреллъ, и съ названіемъ рѣчки, впадающей въ Десну у Чернигова, по лѣтописи „Стръженей“ (Ипат. 141), на 3 вер. картѣ „Стражeнка“, мы увидимъ, что вправѣ назвать рѣку у Гатцега „Стражею“.

Въ наименованіи Гатцега видно названіе народа „геты“ „готы“, на картѣ названъ Готцингъ, Хотцингъ. Какъ отъ Варинга, варянга производится варягъ, такъ отъ Готинга, готянга произойдетъ готягъ, и мы въ Гатцегѣ склонны видѣть испорченное Готягъ или Гетягъ. Показанные на древнихъ картахъ живущими по Марошу агатырцы, или у Геродота агафирсы, мы думаемъ, тѣ же геты-тирсы, тиверцы, одноименные съ Гатцегомъ (по Геродоту, Агафирсъ—сынъ Геракла, Идан-фирсъ—царь скифовъ, думаемъ читать Допътирсъ). Какъ мы уже говорили, во второй части названія Зармизегетуза сохранилось имя Гатцега. Первая же часть Зарма, Царми, Церми, Цермизе, не исключаетъ возможности вести ее: 1) отъ Чернигова по лѣтописи Новгородской, Чернигова, по Константину Багрянородному Чернигога, какъ бы съ окончаніемъ „гога“ или „гота“, напоминая вышеуказанную гору Гугу; 2) отъ Цара-мизе-гетъ, сравнивая съ существующимъ названіемъ Цара-Романаска, т. е. волохи сами себя называютъ ромунами, а страну свою Цара-Ромманаска (Чертковъ, Манас. лѣт., 70), изъ Цара-мезе-гетъ можно вывести царство Мизо-гетское; и 3) что мы считаемъ вѣроятнѣе, это Цара-мѣсто-гетягъ, или Царьградъ Гетягъ, принимая, что по литовски и по польски и латышски городъ „міестасъ, място, міестсъ, мѣстсъ, по венгерски мѣстечко „мезо“.

V. Наименованіе Стриги, Стрижи, Страженки невольно напоминаетъ сказанное „Словомъ о полку Игоревѣ“: „Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя полки Игоревы“. По часто здѣсь встрѣчающимся названію горъ „Стража“ и потому, что сказано нами выше при Стриги, Стяженку, Саргетію, можно думать, что Стри-богъ, это Стражи-богъ, эти жившіе къ югу отъ даковъ трибалы или стри-балы, стри-божьи внуки.

VI. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ нѣсколько разъ упо-

минается имя Траяна: а) „рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы“, б) „пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку“, нѣкоторые изслѣдователи Слова понимаютъ вмѣсто „Олга“ „Траяна“, в) „были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля, были полци Олговы“. Карамзинъ свидѣтельствуетъ, что въ рукописи было „сѣчи“, а не „вѣчи“, г) „вступи лѣдвою (лядиною) на землю Трояню“, д) „на седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу“.

Подробное изученіе Слова привело насъ къ убѣжденію, что имя Трояна или Траяна, свидѣтельствуя, что память о немъ жила въ Сѣверской землѣ, въ то же время замѣняетъ автору Слова прилагательное „римскій“, а именно: „въ тропу римскую“, или въ римское Босфорское царство, на Кубань; „вѣчи“ „вѣчи римскіе“, возможно, что и „сѣчи римскіе“, тогда прямое указаніе на дакскій походъ Траяна; „земля римская“; „на седьмомъ вѣкѣ римскомъ“, т. е. въ 77 году отъ крещенія Руси и принятія римскаго лѣтосчисленія; въ Ипатской лѣтописи, стр. 115. записано подъ 6573—1065 г. „въ то же лѣто Всеславъ рать почалъ“, крещеніе Руси произошло въ 6496—988 г., и Русь пріобщилась къ восточному Риму. Напомнимъ здѣсь, что походъ сѣверскаго князя Игоря произведенъ по пути отъ Путивля вдоль р. Донца, съ переходомъ Дона, на Тмуторокань, нынѣ Таманскій полуостровъ, и окончился неудачною битвою на рѣкѣ Каялѣ, нынѣшнемъ Кагальникѣ, за Дономъ.

VII. Память о Траянѣ сохранилась въ названіи валовъ Траяновыми или римскими. Валъ Траяновъ начинается въ Сквирскомъ уѣздѣ въ селеніи Почуйкѣ, вступаетъ оттуда въ предѣлы Васильковскаго уѣзда при селѣ Краснолѣсахъ, потомъ тянется по лѣвой сторонѣ рѣки Роси, чрезъ мѣстечко Бѣлую Церковь и чрезъ селенія Томиловку, Чепелевку, Сухолѣсы, Рокитну и село Ольшаницу, наконецъ у села Саварокъ склоняется къ Каневскому уѣзду, къ селенію Спинцѣ. Протяженіе его до 80 верс., средняя высота 2 саж. Находимыя здѣсь римскія монеты подтверждаютъ догадку о постройкѣ вала римлянами. Траянъ вспоминается и въ здѣшнихъ народныхъ преданіяхъ, гдѣ онъ называется

царемъ Ермаланскимъ, т. е. римскимъ (см. Фундуклей, 30). Существуетъ еще нѣсколько валовъ Траяновыхъ.

VIII. Другіе валы носятъ названіе зміевыхъ. Такой валъ начинается въ Кіевскомъ уѣздѣ при мѣстечкѣ Трипольи проходитъ черезъ село Барахтянскую Ольшанку, степью мимо села Кодака, перерѣзываетъ большую дорогу изъ Бѣлой Церкви въ Васильковъ, проходитъ полями селеній Парадовки, Великой Снитинки, Фастова и Пивни, откуда вступаетъ въ Сквирскій уѣздъ на земли селенія Бѣлокъ. Въ Васильковскомъ уѣздѣ его длина 60 вер., почти большая часть его съорана, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вышина его до 2 саж. Разсказываютъ, что нѣкогда появился стоглавый змѣй, и въ жертву ему давали перворожденнаго младенца изъ каждой семьи. Наконецъ появился богатырь Кузьма и съ помощью дружественныхъ себѣ подземныхъ царей одолѣлъ змѣя, и объоралъ землю плугомъ, запрягши вмѣсто воловъ сказаннаго змѣя, борозда и образовала зміевъ валъ (Фундуклей, 31). При описаніи вооруженія даковъ мы подробно скажемъ объ ихъ боевыхъ значкахъ, представлявшихъ большое чучело змѣя, носимое на древкѣ. Шафарикъ указываетъ на древнюю болгарскую рукопись, въ которой встрѣчаются выраженія: турокъ змѣй, болгаринъ быкъ, сербъ волъ. Изъ этого видно, что даки, по ихъ значкамъ, могли аллегорически называться змѣями. Можно думать, что зміевы валы построены во время дакскаго владычества для защиты отъ кочевниковъ, и что такіе дако-гатскіе государи, какъ Беребиста и Децебалъ (или по русски Перепетъ и Юрій или Ярославъ), брали отъ населенія перваго сына на войну. Съ такимъ своеобразнымъ значкомъ, какъ чучело змѣя, надувавшееся при движеніи и шелестевшее въ воздухѣ, мы видимъ одного изъ противниковъ въ битвѣ при Бувинѣ въ 1214 г. (Гарди-де-Перини, стр. 219). Этимъ же мы объясняемъ мѣсто „Слова о полку Игоревѣ“: „сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы, нъ розни нося, имъ хоботы пашутъ“, т. е. старое военное выраженіе о развѣваніи значковыхъ хвостовъ при движеніи. Фаминцынъ говоритъ объ обоготвореніи змѣй, ужей.

IX. Посмотримъ легенду о царѣ Беребистѣ или Перепетѣ.

*

Страбонъ говоритъ (Мищенко, 306), что племя гетовъ при гетѣ Беребистѣ сдѣлалось очень могущественнымъ, и даже для римлянъ страшнымъ. Это было въ 1 вѣкѣ до Р. Хр., и Беребиста потомъ былъ лишенъ власти во время возстанія. Имя Беребисты имѣетъ нѣсколько варьянтовъ (Страбонъ, 300, 779, Іорданъ): Боребиста, Бурвиста, Вуруста, Бороиста, Бирвиста. Въ преданіяхъ и въ мѣстныхъ названіяхъ сохранилиоь два однородныя имени, Перепетъ или Перепятъ, Беребисъ и Верепето. Объяснимъ каждое изъ этихъ именъ. На картѣ Главнаго Штаба, 3 вер. въ дюймѣ, въ 30 верстахъ отъ Кіева, показаны два кургана Перепятъ и Перепятиха. Въ Ипатской лѣтописи это мѣсто въ 1150 г. названо Перепетевымъ полемъ. Это уже одно показываетъ какая это старина. Въ Кіевской губерніи, южнѣе Звенигородки, на 30 вер., есть селеніе Беребисъ на Гниломъ Тикичѣ. Къ западу отъ Чернигова есть озеро Верепето. Сохранилось преданіе, что какой то князь Перепетъ каждую весну ходилъ съ Надднѣпровья въ походъ и возвращался осенью. Но разъ долго не возвращался. Жена его съ войскомъ пошла отыскивать и встрѣтила какую то рать на мѣстѣ нынѣшнихъ кургановъ. Въ битвѣ она не узнала мужа и убила его. Перепетъ погребенъ былъ съ величайшими почестями, а Перепетиха лишила себя жизни (Фундуклей, 24). Около Перепетовыхъ кургановъ имѣется могила Варянская, напоминающая варяговъ. На Перепетовы курганы выходитъ Самусевъ шляхъ, пользующійся у жителей особымъ уваженіемъ, хотя онъ заброшенъ, но его не пашутъ. Не есть ли это Геродотовскій „Ексампай“, или Священные пути т. е. Сам-путь, въ связи съ именемъ рѣки Самошъ, въ Венгріи, о чемъ мы скажемъ ниже. Недалеко отъ Перепетовыхъ кургановъ проходитъ Зміевъ валъ. Не надо забывать также рѣки Припети. Недалеко отъ селенія Беребисъ на Гниломъ Тикичѣ, въ концѣ 1845 г. въ могилѣ, стоящей на полевой межѣ селеній Петриковки и Ромейковки, у лѣса, называемаго Тырандасъ, при углубленіи въ землю на 8 аршинъ, нашли округлый дикій камень въ 7 пудовъ, подъ нимъ остатки человѣческихъ костей и достопримѣчательный аѳинскій шлемъ и два наголенника-поножья изъ коринѳской мѣди, лошадиныя кости,

кусочки желѣзныхъ стрѣлъ, остатки колчана или лука, меча, и небольшая бляшка съ изображеніемъ птицы, раздирающей рыбу, это эмблема Ольвіи, греческой колоніи въ устьи Буга (около Парутина). Форма шлема самая древнѣйшая аѳинская, съ какимъ изображали Минерву. Въ Царскомъ Селѣ, въ арсеналѣ, хранится такой же экземпляръ шлема и наколѣнниковъ, найденный въ Сициліи. Тогда же, близъ дороги изъ Бродецкаго въ Петриковку, найденъ человѣкъ въ желѣзныхъ латахъ, у праваго бока вѣроятно мечъ, но все уже распавшееся. Нахожденіе селенія Беребисъ въ 10 верстахъ отъ шлема и въ 5 вер. отъ желѣзныхъ латъ наводитъ на мысль, что здѣсь шелъ путь отъ Ольвіи на Перепетовы курганы и Кіевъ. Латышевъ, въ своемъ изслѣдованіи объ Ольвіи (стр. 160), допускаетъ, что разореніе Ольвіи произведено гетами Бурвисты. По Певтингеровымъ таблицамъ мы находимъ городъ Беребисъ, между Петтавой и Муросіей, нынѣ Эссегомъ, можетъ быть нынѣшній Веровитичъ (или въ Славоніи). Въ Румыніи и въ Венгріи много сохранилось названій городовъ съ корнемъ Барабасъ, Барбасъ, Парапатисъ (замѣтимъ, что этотъ городъ въ комитатѣ Васъ, имѣющемъ главный городъ Штейнамангеръ или Сомбатели, почти такъ назывался въ древности Кіевъ).

X. Самолксисъ-Самошъ-Самбатасъ-Самусевъ шляхъ-Ексампай Геродота-Само; вотъ имена мѣстностей и лицъ, которыя намъ кажутся происходящими отъ одного корня Самъ, по имени древняго боготворимаго гетскаго философа Самолксиса. О немъ разсказываютъ Геродотъ, Страбонъ, Іорданъ. Варьянты его имени: Замолксисъ, Самолксисъ, Ксалмоксисъ, Залмолксисъ, Цалмоксенъ, Далмоксенъ, Залимоксенъ, Залмозенъ, Замолксій, и Геродотъ еще прибавляетъ, что нѣкоторые изъ гетовъ называютъ то же самое божество, т. е. Салмоксиса, также Гебелейзисомъ. Самолксисъ жилъ на островѣ Самѣ, руководимый философомъ Пифагоромъ; вернувшись на родину, въ Дакію, онъ жилъ на горѣ, называемой Святою, имя ея Когеонъ, одноименна съ рѣкою, текущею мимо нея. Выше, въ рубрикѣ IV, мы сказали, что гору Когеонъ мы видимъ въ горѣ Годеанъ и рѣку въ рѣкѣ Остеръ или Стрелъ. Въ 1 вѣкѣ до Р. Хр., во времена гет-

скаго царя Беребисты, такимъ обоготвореннымъ жрецомъ былъ Декеней, Декайней, Дисинеумъ, Дисинеусъ, Дисинео, Дициніусъ, Дцентумъ. Незабудемъ городъ Дцинь въ низовьяхъ Днѣпра, упомянутый въ Ипатской лѣтописи подъ 1160 г., и то что упомянутый нами въ рубрикѣ 1 скифскій философъ Анахарзисъ жилъ тоже въ низовьяхъ Днѣпра. Очень вѣроятно, что имя Деканея и Дциня образовалось изъ корня Даждь. Приводимое Геродотомъ имя Гебелейзиса казалось бы объясняется изъ словаря Межиниса, а именно Габія, по литовски, богиня огня, а лейзисъ, по литовски, литовецъ, слѣдовательно „литовскій богъ—богиня огня“. Фаминцынъ (стр. 107) упоминаетъ у пруссовъ богиню или бога земли, Земинелу или Земилукиса, по литовскому словарю „земеліукасъ“ идолъ древней Литвы, а также (стр. 227) кореннаго русскаго бога Сима или Сема-Ярило. Этотъ вопросъ о Симѣ или Самѣ славянской мифологіи нуждается въ самостоятельномъ изслѣдованіи. У мазуровъ огонь называется „геетъ“, не гетъ-ли (Погодинъ, 199 Ходаковскаго). Къ сѣв. отъ Чернигова есть большое болото Замглай. Трансильванія, дакская земля, по русски Семигорье, Семиградъ, Семигай. По Певтингеровымъ таблицамъ Дунай вытекаетъ отъ города Самулоценисъ, вѣроятно Ротенбургъ или Москирхъ. Все это рядъ вопросовъ.

Отъ боготворимаго Самолкиса могла получить имя рѣка Самошъ, цѣлый рядъ дако-гетскихъ городовъ, начинающихся „Сем“ или „Сам“, въ томъ числѣ и Кіевъ, названный Константиномъ Багрянороднымъ „Сомбатомъ“. (Гедеоновъ, 11, 536, Гротъ, 265). Вотъ отъ Сомбата или скорѣе отъ упоминаемыхъ не разъ въ лѣтописи Витичева и Триполья, съ берега Днѣпра, ведетъ уже названный нами священный Самусевъ шляхъ, который, по словамъ Фундуклея (стр. 34), начинающійся отъ Обухова, идетъ между Тростинкою и Яцками, и теряется на поляхъ Ксаверовки, „тамошній народъ питаетъ къ нему особенное почтеніе. Во многихъ мѣстахъ переходитъ онъ черезъ земли крестьянъ; но никто изъ нихъ не посмѣетъ коснуться плугомъ дороги, по которой отъ Днѣпра выходилъ на войну знаменитый воитель Самусь, съ своею ватагою“. Фундуклей въ Самусѣ видитъ гетмана

1690 г. Самуся. Но мы думаемъ, что тогда бы путь не былъ священнымъ, ибо онъ, ведя отъ Витичева къ Перепетовымъ курганамъ, не имѣетъ никакого военного значенія. Мы полагаемъ, что это Геродотовскій „Ексампай“ или Самусевъ, Самошевъ путь (на австр. картѣ XXV — 26 есть Велики путь, Петровски путь; на XXII—18 есть дворы Сампай—таніакъ).

Мы думаемъ, что родствененъ гетамъ и тотъ Само, о которомъ хроника Фредегара говоритъ, что онъ. родомъ франкъ. изъ округа Сенонага, въ 623—624 г., выбранный винидами царемъ, объединилъ славянъ. На пути отъ Вѣны къ Платенскому озеру, въ долинѣ рѣки Рааба, есть селеніе Цсепніенаги или Наги-Цсенніе (очевидно искаженное названіе), отсюда можно вывести Само, родомъ франка или скорѣе „варяга“, о чемъ скажемъ ниже, разсматривая вопросъ о варягахъ.

XI. Рѣка Марошъ у римлянъ называлась Тибисія или Тифисасъ, что мы выводимъ изъ нахожденія на ней города Тевиса, а въ Певтингеровыхъ таблицахъ названнаго по Тависса, можно думать, что рѣка Марошъ носитъ мифологическое имя Марицы, Марены, Мары, извѣстное въ народныхъ пѣсняхъ, повторяясь съ особеннымъ постоянствомъ, рядомъ съ Ясонемъ, Купаломъ и Иваномъ (Фаминцынъ, 290).

XII. Выясненіе названія „сѣвера“ (можетъ быть отъ „Сервія, Сербія“) представляетъ нѣкоторыя затрудненія, что происходитъ отъ недостатка матеріала. Несомнѣнно, что Турнъ-Сѣверинъ, прежняя Друбетисъ или Трубежъ, и Сѣверянскій банатъ, въ которомъ находится этотъ городъ, родственно связаны съ нашею Сѣверскою областью. Извѣстно, что при Траянѣ городъ Турнъ-Сѣверинъ назывался „municipiумъ Флавіумъ Дробетта“, при Адріанѣ—„мун. Фл. Гадріанумъ Добреттензіумъ“, при Септиміи Северѣ исключенъ изъ ранга колоній, возведено 19 башенъ, и уже назывался Турнуль-Теодоричи. Изслѣдователямъ предстоитъ еще рѣшить вопросы о связи имени императора Севера, нашей Сѣверы, народа Савари, сварячи, савро-маты, напоминающіе сѣверо-меотовъ (имя Мюславъ на иконѣ XII вѣка, Импер.

Рос. Истор. Музей, Москва 1893 г., стр. 583) и бога Сварога, можетъ быть сѣверо-рога. Въ лѣтописи мы встрѣчаемъ „русь Пургасову“, въ Венгріи находимъ селеніе Пурга или Северинъ (Венг. сл. 682). Въ Польшѣ встрѣчаемъ (въ южной части Петроковской губ.), также сѣверское княжество, въ 1180 г. съ городомъ Сѣвержъ и въ 15 вер. отъ него къ Ю. З. Гуру Сѣверску.

XIII. Конечно здѣсь, въ короткой замѣткѣ, намъ не рѣшать варяжскаго и готскаго вопросовъ. Мы намѣрены лишь коснуться его настолько, насколько онъ соприкасается съ вопросомъ о дако-гетской землѣ. Венгерская страна заполнена городами съ названіемъ „варъ“. Объясняютъ это тѣмъ, что по венгерски „варъ“, „варошъ“ означаетъ крѣпость, городъ. Мы этому не вѣримъ, уже въ литовскомъ языкѣ мы находимъ опроверженіе этому, ибо въ немъ „варавотисъ“, по польски „вяровачь“, означаетъ оберегаться, беречься, отсюда до обозначенія крѣпости словомъ „варъ“ очень недалеко. Цѣлый рядъ показаній нашей лѣтописи, какъ-то: „по сему морю (варяскому) сѣдятъ варязи сѣмо къ востоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдятъ къ западу до земли агалянски и до волошскія“, „а словенескъ языкъ и рускій одинъ, отъ варягъ бо прозвашася русью, а первѣе бѣша словене“, „идоша за море къ варягомъ къ руси, сице бо звахуть ты варяги русь, яко се друзіи зовутся свее, друзіи же урмане, англяне, иніи готе (гте), тако и си“, „ти суть людье новогородци отъ рода варяжска, преже бо бѣша словене“, „и суть новгородстіи людіе до днешняго дни отъ рода варяжска“, „идоша за море къ варягомъ“ „и по тѣмъ городомъ суть находницы варязи, первіе насельницы въ Новгородѣ словене, и въ Полотскѣ кривичи, Ростовѣ меряне, на Бѣлѣозерѣ весь, Муромѣ мурома“, „отъ сихъ же 72 языку бысть языкъ словенескъ отъ племени же Афетова, нарицаемѣи норци, иже суть словене“. Эти показанія лѣтописца очень характерны: онъ разселяетъ варяговъ очень широко; дѣлитъ варяговъ на русь, свеевъ, урмановъ, англянъ, гетовъ и прочихъ; говоритъ, что русскій языкъ это славянскій; что новгородцы—варяги, а до этого были славяне, и отсюда мы готовы заключить, что „варягъ“ это

„оружникъ“, какъ говорится въ путешествіи Игнатія въ 1391 г, „двѣнадцать оружниковъ, и отъ главъ ихъ и до ногъ ихъ все желѣзно“. Варяги—русь, мы думаемъ, и были именно тѣ, кто не мирился съ зависимостью дако-гетской земли римлянамъ, и служилъ какъ воинъ. Не надо забывать литовско-латышскаго vytis, vytingas, varunis, рыцарь, витязь.

Что касается слова „гетъ“, то оно, по нашему мнѣнію, однородно съ литовскимъ „гудасъ“, латышскимъ „гудсъ“ означающими русскаго, отсюда же у Прокопія Кесарійскаго „готфы“ и Іордановскіе „готы“, Геродотовскіе „а-гат-ырцы“, и нынѣшнее названіе прежней „Цар-мѣсто-гетузы“ „Гатцега“ съ рѣкою того же имени. На литовско-латышскомъ языкѣ una-ravas, una-ras, guds, gudigs, goda, означаетъ слава, хвала, честь. Отсюда готъ, гуннъ, унпъ, славянинъ однородны (гой еси, Иванъ Годиновичъ; Годидисклъ у Прокопія Кес.).

XIV. Мы думаемъ, что немаловажную роль въ русской исторіи сыграло бы выясненіе родоваго знака дако-гетскихъ правителей и нашего велико-княжескаго (см. Толстого, О древнѣйшихъ русскихъ монетахъ X—XI в. Записки Имп. Рус. Арх. Общ., т. VI). Нашъ родовой этотъ знакъ видѣнъ на монетахъ Ярослава и Владимира. Щиты даковъ на колоннѣ Траяна имѣютъ также свои знаки (полумѣсяцъ на щитѣ или въ знакѣ можетъ означать младшую линію).

Заключеніе. Приведенныя доказательства мы считаемъ достаточными, чтобы вооруженіе и военное искусство даковъ считать однороднымъ съ вооруженіемъ и военнымъ искусствомъ не только славянъ вообще, но и со всѣми особенностями упоминаемаго въ лѣтописи „русскаго боя“. Это даетъ намъ основаніе приступить къ подробному изслѣдованію римской колонны Траяна, съ цѣлью по ея барельефамъ изучить вооруженіе древнихъ русовъ, а по дакской войнѣ выяснить древнее русское военное искусство. Мы увидимъ, что помѣщенные на первыхъ страницахъ лѣтописи Нестора, походы на Царьградъ, осада Пересѣчена (вѣроятно Ольвіи), Коростеня, Корсуня и походы Святослава на гре-

ковъ не были для русскихъ воиновъ чѣмъ то новымъ, наступившимъ лишь съ прибытіемъ варяговъ. Что скорѣе мы, въ лицѣ готовъ и гунновъ, были учителями военнаго дѣла въ Европѣ, чѣмъ греки, германцы и франки. Завоеваніе почти всей Европы, походы въ Африку безусловно лишили русское славянство высшихъ чиновъ и лучшихъ родовъ, и лѣтописный періодъ нашей исторіи начинается съ возвращенія одного изъ этихъ родовъ на русскую землю для новаго ея устройства. Этимъ объясняется тотъ постоянный плачъ о русской землѣ, которымъ проникнуты рѣчи первыхъ наслѣдниковъ Рюрика, можетъ быть ведущаго свой родъ отъ упоминаемаго Прокопіемъ Кесарійскимъ, подъ 541 годомъ, въ итальянскомъ походѣ короля руговъ, „Ерариха“, скорѣе Рюрика. Не забудемъ, что Ольга названа королевою ругійскою (Карамзинъ, I, прим. стр. 151; Гедеоновъ, I, 210). О Ругіи дунайской и балтійской говоритъ Богуславскій (II, 101). На древнихъ картахъ (изданіе Konrad Miller, Stuttgart) мы находимъ „Dascia-hec z rusia“, „Dacia hec et Rusia—Gothi—Getica“, „oppidum in Dacia—Russia—Kiew“, „Dardania“ въ раіонѣ Днѣпра и Днѣстра, „Datia major“, „Datia minor“, „Dascia—Russia“, „Dascia et Russia, Rucia, Ruscite, Ruzzia“, и это все въ интересующемъ насъ раіонѣ Венгріи. Отсюда видно, что географы 776—1276 г. сохранили память о „русичахъ внукахъ Даждьбога“. „Солнце царь, его же наричютъ Дажьбогъ“, „сынъ Свароговъ“,—мы думаемъ, здѣсь объясненіе „сѣверы“.

ГЛАВА IX.

Готская пѣсня на русскомъ языкѣ.

Профессоръ Грацкаго университета Вильгельмъ Томашекъ, въ своемъ изслѣдованіи «Die Goten in Taurien,» Вѣна. 1881 г., приводитъ на стр. 66 нижеслѣдующую готскую пѣсню:

Wara, wara, ingdolou,
Seu, te, gira, galizu,
Hoemisclep, dorbiza, ea.

Томашекъ говоритъ, что Маннгардъ, пользуясь изысканіями Массмана, объясняетъ эти строки такъ: varei varei Iggadallu, scuta jere galaize, hauhmisks hlaifs thaurbiza aiv. На нынѣшнемъ нѣмецкомъ языкѣ эти строки передаются такъ: wehre, wehre, Ingdall, dem Dahinschuss der Jahre, der wunderlichen, des Volkes Nahrung, durftiger je. Ферстманъ даетъ свое объясненіе. Нѣмецкіе ученые прибавляютъ, что, вѣроятно эти строки моральнаго содержанія, очень возможно, что въ «hoemisclep» опечатка или ошибка и надо читать «hoemisc lep», «gira» вѣроятно «geira» «galizu» надо приравнять къ «gailjan, gall». Во всякомъ случаѣ, заключаетъ Маннгардъ, эти три строки содержатъ нѣмецкіе звуки, нѣмецкія словообразованія.

Разсмотримъ теперь эту готско-нѣмецкую пѣсню съ нашей русской точки зрѣнія, не забывая сказаннаго нами о готахъ выше, въ главѣ VIII, по вопросу о дакахъ. Напишемъ ее русскими буквами:

Вара, варингъ, доловъ,
Щуче жира Галичу,
Гомъ и хлѣбъ доробица его.

Мы, на нынѣшнемъ русскомъ языкѣ, читаемъ: «спѣши, варягъ, доловъ,—ища жира Галичу,—гомъ и хлѣбъ дороботокъ его», или, «впередъ спѣши, варягъ, внизъ по долинѣ,—ища богатства Галичу,—вино и хлѣбъ его заработокъ».

Для такого чтенія, какъ видно, не требуется никакихъ фундаментальныхъ перестановокъ и измѣненій, какія дѣлаютъ нѣмецкіе ученые, желающіе, чтобы готы были нѣмцами, и чтобы эта пѣсня была бы нѣмецкая.

Относительно нѣкоторыхъ словъ, нынѣ измѣнившихъ свое значеніе, мы обратимся къ совершенно безпристрастнымъ въ этомъ вопросѣ источникамъ. Въ Ипатской лѣтописи, на стр. 128, читаемъ: «да аще его не варивѣ (потомъ исправлено въ «не впредимъ»); въ Толковомъ Словарѣ Даля читаемъ: варять, варить, упреждать, предварять, опережать. Варингъ испорченное въ передачѣ латинскими буквами варянгъ, варинъ, варягъ; къ сѣверу отъ Львова галичскаго есть городъ Варинъ по русскимъ картамъ и Баренжъ по польскимъ; см. также варьянты слова варягъ у Дорна, Каспій, стр. 414. Долоу, доловъ, доловь, у Даля слово долъ, долу, доловь, внизъ, нанизъ, внизъ по долинѣ; по Краледворской рукописи тоже самое. Жиръ, по Далю богатство, избытокъ, въ Словѣ о полку Игоревѣ «погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣки половецкія». Гомъ по Далю имѣетъ нѣсколько значеній, мы беремъ рязанское значеніе «чарка вина», и офенское «гомза» вино (см. у Даля, въ началѣ словаря стр. LXX, о языкахъ искусственныхъ), причемъ здѣсь умѣстно обратить вниманіе на языкъ ламанскій или офенскій, и на названіе офенями себя «мысаками» или мисами; нѣтъ ли здѣсь связи съ мисами или мизійцами или гетами, какъ мы говоримъ это въ главѣ VIII. Даль упоминаетъ о розыскахъ Безсонова, который въ офенскомъ языкѣ находитъ много греческихъ словъ и относитъ ихъ къ древнимъ временамъ торговли нашей на Сурожскомъ морѣ, какъ напримѣръ названіе города «костеръ» отъ слова «каструмъ». Вообще этотъ вопросъ требуетъ изслѣдованія, незабывая литовскаго языка, и словъ лѣтописи: «Афетово же колѣно, и то варязи: свеи, урмане, готѣ, русь, агляне, галичане, волохове, римляне, нѣмцѣ, корлязи, венедици, фрягове и

прочіи», «сице бо звахуть тіи варяги русь, яко се друзіи зовутся свее, друзіи же урмане, англяне иніи готе». Вотъ изъ языковъ этихъ народностей варяги (русь и галичане) и создали, по нашему мнѣнію, свой офенскій или ламанскій языкъ, и самое называніе его офенскимъ и ламанскимъ напоминаетъ намъ объ Офенъ-Пештѣ, какъ владѣніи дако-готовъ, и о кіевскихъ народныхъ преданіяхъ (Фундуклей, Обозрѣніе могилъ, стр. 30), въ которыхъ Траянъ называется царемъ «ермаланскимъ», по объясненію Фундуклея, римлянскимъ, а по нашему, можетъ быть даже здѣсь сохранилась память о готскомъ королѣ Ермаприхѣ, см. выше нашу главу VIII. Остается сказать о словахъ «дорбица» и «еа», очевидно первое русское дорабливать, доробить, какъ это сказано у Даля, а второе испорченное «ево» или его. На Днѣстрѣ имѣется городокъ Доробинъ. Можно думать, что въ этихъ трехъ строкахъ пѣсни говорится о поѣздкѣ варяговъ-галичанъ изъ Галича, внизъ по Днѣстру, къ Черному морю, для торговли виномъ и хлѣбомъ.

Изъ сказаннаго надо заключить, что это пѣсня русская, пѣсня гета или дака, что недаромъ на Певтингеровыхъ таблицахъ Днѣстръ названъ «рѣкою агалингасъ», а на литовскомъ языкѣ мы находимъ «галингасъ» мощный, сильный, откуда можетъ быть и самое названіе Галича.

Вяземскій, въ своихъ замѣчаніяхъ на слово о полку Игоревѣ, стр. 279, говоритъ слѣдующее: «свидѣтельство или мнѣніе архимандрита Лосицкаго о сродствѣ половцевъ, готфовъ и литовцевъ весьма важно; словарь команскій, составленный въ XIV столѣтіи, не можетъ доставить никакихъ свѣдѣній о народности половецкой, такъ какъ онъ написанъ въ періодъ заселенія этого края татарами. Несравненно важнѣе готфскія слова, записанныя Бузбекіемъ. Сравненіе этихъ словъ съ готфскими и пруссо-литовскими можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. Языкъ Ульфилова готфскаго перевода принадлежитъ германскому племени, по вопросъ, насколько этотъ готфскій языкъ былъ языкомъ готфовъ не разъясненъ. Іорнандъ недаромъ говоритъ, что языкъ этотъ принадлежитъ незначительному готфскому племени».

ГЛАВА X.

Военная часть поученія Володимира Мономаха.

„И сила уму уступаетъ".
Даль, I, 553.
„Тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шоломомъ Донъ". (Ипат. 480).

Сохранилось полководческое поученіе великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха, писанное имъ для своихъ сыновей, вѣроятно, въ 1119 г. на Волгѣ, около Твери, на пути къ Ростову. Оно помѣщено въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи. Писалъ его Владимиръ «на далечи пути, да на санехъ сѣдя». Начинается оно словами: «Азъ, худый, дѣдомъ своимъ Ярославомъ благословенным, славнымъ, нареченый въ крещеніи Василій, русскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленымъ и матерью своею Мономахы«, (по матери былъ внукъ греческаго царя Константина Мономаха).

Мы приведемъ изъ него только тѣ положенія, которыя относятся къ нашей задачѣ.

I. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы.

II. Ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью (лагодить—предаваться).

III. И стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду наряднвше, около вои тоже лязите, а рано встанете, (мы понимаемъ «лязите»—ляжете).

IV. А оружья не снимайте съ себе вборзѣ не разглядавше лѣнощами внезапу бо человѣкъ погыбаетъ.

V. Иже блюдися и пьянства и блуда, въ томъ бо душа погыбаеть и тѣло.

VI. Еже было творите отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя.

VII. На посадники не зря, ни на бирчи, самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ.

VIII. Въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите, не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіе къ вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему.

IX. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью.

X. Смерти бо ся, дѣти, не бояще, ни рати, ни отъ звѣря но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть.

XI. Оже бо язъ отъ рати, и отъ звѣря, и отъ воды, отъ коня спадаяся, то никто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно. А иже отъ Бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могутъ отьяти, но аще добро есть блюсти, Божіе блюденье леплѣе есть человѣчьскаго.

XII. То бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцихъ нашихъ.

XIII. Отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, въ томъ бо честь есть отъ иныхъ земль.

XIV. Да не застанеть васъ солнце на постели, тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вси добріи мужи свершеніи.

XV. Тако похвалю Бога сѣдши думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати. Спанье есть отъ Бога присуждено полудне, о тотъ чинъ бо почиваетъ и звѣрь, и птици и человѣци.

XVI. Аще и на кони ѣздяче не будешь ни съ кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй“ зовете безпрестане, втайнѣ; та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя.

XVII. И отрядивъ я (отправивъ пословъ), вземъ Псалтырю, въ печали разгнухъ я, и то ми ся выня: «вскую не-

чалуеши, душе, вскую смущаеши мя». и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду, и написахъ (мы видимъ, что Владимиръ совѣтуется съ Псалмами Давида, псал. XXXVI, I, 9—17, 19, 21—27).

XVIII. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнуть.

XIX. А се повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь труждалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣтъ (родился въ 1053 г. и 13 лѣтъ было въ 1066 г.), а всѣхъ 80 и 3 великихъ, а прока не испомню меньшихъ (впослѣдствіи мы сдѣлаемъ попытку разъяснить перечисленные Владимиромъ 83 похода).

XX. А изъ Чернигова до Кіева нестишь (настъ, послѣ оттепели, отвердѣвшій снѣгъ, по Далю) ѣздихъ ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни.

XXI. И миров̀ъ есмъ створилъ съ половечьскыми князи безъ единого 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ.

XXII. И пустилъ есмъ половечскыхъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братьѣ 4, а всѣхъ лѣпшихъ князій инѣхъ 100; а самы князи Богъ живы въ руцѣ дава, Коксусь съ сыномъ, Акланъ, Бурчевичъ, Таревьскый князь Азгулуй, и инѣхъ кметій молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ въ ту рѣчку въ Славлій (Суюрлій или нынѣ Салъ); по чередамъ избьено не съ 200 въ то время лѣпшихъ.

XXIII. А се тружахся ловы дѣя: понеже сѣдохъ въ Черниговѣ, а изъ Чернигова вышедъ... (разорвано)... лѣта по сту уганивалъ и имь даромъ всею сплою кромѣ иного лова кромѣ Турова, иже со отцемъ ловилъ есмъ всякъ звѣрь.

XXIV. А се въ Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь дикихъ своима рукама связалъ есмь въ пушахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того же по Роси ѣздя ималъ есмъ своима рукама тѣ же кони дикиѣ.

XXV. Тура мя два метала на розѣхъ и съ конемъ. Олень мя одинъ болъ. А двѣ лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ. Вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ. Медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко

мнѣ на бедры и конь со мною поверьже, и Богъ невредена мя соблюде.

XXVI. И съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

На этомъ мы закончимъ выборки изъ поученія Мономаха. Впослѣдствіи мы разсмотримъ его походы и мы увидимъ какою выдающеюся личностью управлялась Русь въ XII вѣкѣ, и съ военной стороны Владиміръ Мономахъ вполнѣ можетъ быть причисленъ къ выдающимся вождямъ. Какая духовная и физическая сила нужна была для выполненія однѣхъ вышеперечисленныхъ 83 поѣздокъ, при тогдашнихъ условіяхъ. Какой это былъ идеалъ выносливости, привычки къ лишеніямъ, нетребовательности.

ГЛАВА XI.

Военный опытъ въ русскихъ пословицахъ и выраженіяхъ.

I. „Крѣпка рать воеводою“. „Сильна рать воеводою“.
II. „И сила уму уступаетъ“.
III. „Смѣлость силѣ воевода“.
IV. „Наказомъ воевода крѣпокъ“.
V. „Не мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту“.
VI. „Не куетъ желѣзо молотъ, а куетъ кузнецъ“.
VII. „Всякъ молодецъ на свой образецъ“.
VIII. „Не топоръ тешетъ, а плотникъ“.
IX. „Соколъ слету хватаетъ, а ворона и сидячаго не поймаетъ“.
X. „Умъ на умъ не приходится“.
XI. „Смѣлымъ Богъ владѣетъ“.
XII. „Воюютъ многихъ руками, а не многихъ умами (совѣтомъ)“.
XIII. „По натиску и отпоръ держатъ“.
XIV. „Грозенъ врагъ за горами, а грознѣй за плечами“.
XV. „Всякій совѣтъ къ разуму хорошъ“.
XVI. „Рѣчи королевскія, а дѣла нищенскія“.
XVII. „Лучше смерть, нежели золъ животъ“.
XVIII. „Смерть лучше безчестья“.
XIX. „Не гонись за рядовичемъ, а лови атамана“.
XX. „Нѣтъ роженаго ума, не дашь и ученаго“
XXI. „Не ставь непріятеля овцой, а ставь его волкомъ“.
XXII. „Передній заднему дорога“.

XXIII. „Въ чистомъ полѣ четыре воли: хоть туда, хоть сюда, хоть инаково“.

XXIV. „Бѣ бо крѣпокъ на рати, всегда бо тосняшется умрети за русскую землю, дерзость подаваше воемъ своимъ, и тако отъ-всего сердца бьяшется за отчизну свою“.

XXV. „Мстиславъ бо отъ уности навыклъ бяше не уполошитися никого-же, но токмо Бога единаго блюстися“.

XXVI. „Бѣ бо храборъ и крѣпокъ на рать“.

XXVII. „Русскій ни съ мечомъ, ни съ калачемъ не шутитъ“.

ГЛАВА XII.

Находки на поляхъ древнихъ сраженій.

А. Въ изданіи 1860 г. Жиля, Царскосельскій музей съ описаніемъ оружія, принадлежащаго Государю Императору, мы находимъ слѣдующее:

1. На стр. 160 и рисунокъ на стр. 90, монгольскій шишакъ, найденный въ землѣ, на Куликовскомъ полѣ. Судя по богатымъ украшеніямъ и изящной золотой насѣчкѣ шишака, нужно полагать, что онъ принадлежитъ одному изъ начальниковъ монгольскихъ князей, погибшихъ при разгромѣ мамаевыхъ полчищъ. Форма шишака остроконечная, сквозь желѣзный козырекъ или наглазникъ опускается носовая стрѣлка. На шишакѣ арабскія надписи. Кругомъ навершья: „Божья помощь скорая побѣда“. На козырькѣ: „Ты единосущный, превѣчный, неизмѣняющійся. Ты премудрый, всеблагій, пресвятый“. На носовой стрѣлкѣ: „Да не смутитъ тебя взоръ невѣрнаго, когда не внимая ученію, онъ скажетъ про тебя: имъ овладѣлъ злой духъ. Нѣтъ, Коранъ долженъ служить поученіемъ для вселенной“. По вѣнцу шишака надпись, съ возваніемъ небесному престолу.

По мусульманскому преданію, стихъ этотъ составленъ Магометомъ во время видѣнія, среди котораго представился его взорамъ Господь всемогущій, сидящій на престолѣ небесномъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, шишакъ этотъ работы искуснаго иранскаго оружейника.

II. На стр. 167, полоса сабли, найденная на полѣ Куликовской битвы.

Б. Въ изданіи 1844 г. Вельтмана, Московская оружейная палата:

III. На стр. 73, булатный шлемъ, по вѣнцу и по тульѣ насѣченный въ узоръ золотыми травами, между коихъ арабскія слова. Носъ, наушки и затылокъ изъ булата съ золотою же насѣчкою. Найденъ на р. Сити, въ ярославской губерніи, на томъ мѣстѣ, гдѣ великій князь Георгій Всеволодовичъ убитъ въ сраженіи съ татарами въ 1237 г. Этотъ шлемъ кавказской работы и формы. Въ древности кавказскіе шлемы назывались аварскими, а потомъ юргенскими, т. е. грузинскими, и безъ сомнѣнія ошибочно ерихонскими.

IV. На стр. 74, булатный великокняжескій шлемъ древней русской формы и работы. Обложенъ чеканными серебряными золочеными бляхами. На верхней части вычеканены образа: Спасителя, великомуч. Георгія, Василія великаго и Феодора. Спереди изображенъ Архангелъ Михаилъ съ чеканною подписью: „Великій Архистратиже Господень Михаиле помози рабу своему Феодору“, т. е. Ярославу Всеволодовичу, въ крещеніи Феодору. Желѣзо шлема проржавѣло насквозь. Онъ найденъ въ 1818 г., въ лѣсу, въ землѣ подъ кочкой, владимірской губерніи, близъ рѣки Колокши, вмѣстѣ съ скипѣвшейся отъ ржавчины кольчугой, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ярославъ былъ разбитъ Мстиславомъ Новгородскимъ, и бѣжавъ съ сраженія, сбросилъ для облегченія себя вооруженіе и княжескую одежду. См. объясненіе выше, въ главѣ IV, вторая битва на Липицѣ, въ 1216.

В. Въ Историческомъ каталогѣ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея, изданіе 1877 г. Бранденбурга, мы находимъ указанія:

V. На стр. 137, въ россіенскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Побарахъ, въ 1805 г. найдена при распашкѣ поля пищаль мѣдная царствованія Іоанна Грознаго, съ обозначеніемъ 7071 или 1563 г. и двуглаваго орла съ русскою надписью Іоаннъ и т. д. Лежала вмѣстѣ съ двумя польскими гаубицами 1506 и 1562 г., изъ чего можно заключить, что мѣсто находки быть можетъ около поля сраженія.

VI. На стр. 176, въ одномъ кострищѣ въ г. Черниговѣ найдены Самоквасовымъ скипѣвшіеся шлемъ, мечи, копья, кольчуга и стремена, какъ остатки боевого снаряженія X вѣка. Хранится въ университетѣ св. Владиміра.

VII. На стр. 204, кожаный поясъ съ бляхою, образецъ единственный, по крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ по настоящее время, на половинахъ бляхи вырѣзаны грубыя изображенія: на одной коня, на другой двухъ звѣрей, повидимому волковъ. Найденъ въ курганѣ на берегу р. Шелони, извѣстной по битвѣ 1471 г. новгородцевъ противъ Іоанна III.

VIII. На стр. 205, кольчуга съ воротникомъ и длинными рукавами, до кистей рукъ, найдена на Шелони.

IX. На стр. 206, желѣзный кованный нагрудникъ, вѣсомъ 5 фунтовъ, найденъ въ курганѣ на Шелони.

X. На стр. 210, шеломъ съ назатыльникомъ, наушами, и носовой стрѣлкой, найденъ въ курганѣ на Шелони. Два подобныхъ шлема въ 1848 г. найдены въ сопкѣ у села Велебицъ, близь Новгорода.

Надо пожалѣть, что не сохранилось памяти точной о мѣстѣ находокъ. Это помогло бы точнѣе опредѣлить поля сраженій при Ситн, Колокшѣ, на Куликовомъ полѣ, на Шелони. Или можетъ быть гдѣ нибудь есть протоколы, журналы подробнаго описанія мѣста и обстоятельствъ поисковъ?

ГЛАВА XIII.

Къ походу Дарія Гистаспа въ Скифію около 513 г. до Р. Хр.

(Земля войска Донского и Астраханская и Саратовская губ.)

„Не ставь непріятеля овцой, а ставь волкомъ".
Даль, II, 199.

Главными источниками по этому поводу для насъ могутъ служить Геродотъ, его книга IV, Мельпомена (въ переводѣ съ греческаго Мищенка), и Забѣлинъ. Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Эти два сочиненія даютъ намъ возможность очертить военную сторону событія, и можетъ быть найдти нѣкоторые памятки этого древняго похода.

Разсмотрѣніе описываемыхъ Геродотомъ войнъ съ скифовъ съ киммерійцами, мидійцами, массагетовъ съ Киромъ на Араксѣ, мы предполагаемъ сдѣлать предметомъ послѣдующихъ статей, насколько эти вопросы относятся къ нашей военной исторіи. Здѣсь же сразу начнемъ съ самаго главнаго вопроса, которымъ опредѣляется предѣльный пунктъ похода Дарія.

Геродотъ говоритъ: „Пришедши въ пустыню, Дарій пріостановилъ походъ, и расположился съ войскомъ у рѣки Оара, затѣмъ воздвигъ восемь громадныхъ стѣнъ, на одинаковомъ разстояніи одна отъ другой, приблизительно стадій на 60. Обломки этихъ укрѣпленій уцѣлѣли до моего времени. Пока Дарій занятъ былъ сооруженіемъ, преслѣдуемые скифы обошли сверху эти земли и возвратились въ Скифію.

Такъ они совсѣмъ исчезли изъ виду и больше не показывались. Тогда Дарій покинулъ на--половину воздвигнутыя стѣны, повернулъ назадъ и пошелъ къ западу. Ему думалось, что это все скифы, и что они все еще убѣгаютъ на западъ". До вступленія въ пустыню Дарій напалъ на Гелонъ, деревянный городъ будиновъ и сжегъ его.

Принимая, по Забѣлину и по Дорну, Каспій (стр. 129 и 251), что Оаръ, по мордовски Рау, это нынѣшняя Волга, мы приходимъ къ заключенію, что Гелонъ это вѣроятно извѣстный при Святославѣ Саркелъ, а восемь громадныхъ стѣнъ это вѣроятно восемь башенъ, на разстояніи 10 верстъ одна отъ другой, образующихъ стѣну въ 80 верстъ длиною отъ Волги до Дона, нынѣ идущую отъ Царицына до Качалинской на Дону, на 10-ти верстной картѣ названную „древній валъ".

Мѣсто Саркела опредѣляется изъ путешествія діакона Игнатія въ Царьградъ и Іерусалимъ въ 1389 г., (Сахаровъ, Сказанія, II, 98): „въ недѣлю же пятую по Самарянынѣ, минухомъ плывуще рѣку Медвѣдицу, и горы высокія рѣку, и Бѣлый яръ рѣку. Въ понедѣльникъ же плывуще минухомъ горы каменныя красныя. Во вторникъ же Серьклію градъ минухомъ плывуще, не градъ же убо, но точію городище, та же и перевозъ минухомъ, и тамо обрѣтохомъ первіе татаръ много зѣло, яко жъ листъ и яко же песокъ. Въ среду же плывуще минухомъ Великую Луку и царевъ Сарыхозинъ улусъ".

Чтобы выяснить путь, шедшій отъ Волги къ Дону, приведемъ одно мѣсто „Юрнала въ путномъ шествіи" Петра Великаго въ походъ 1695 г. подъ Азовъ (Устряловъ, II, 536). Въ 6 день (іюня), въ 5 часу ночи пріѣхали (спускаясь на судахъ внизъ по Волгѣ отъ Нижняго Новгорода) къ городу Царицыну, а караванъ сбирался. Въ 10 день, перебирались съ судновъ на возы сухимъ путемъ, и въ обозъ всѣ вышли и почевали въ степи, не далеко отъѣхавъ отъ города, версты съ 2. Въ 11 день, по утру рано пошли все войско въ путь и перешли рѣчку, прозваніемъ Мечатна, отъ Царицына 7 верстъ, и отъ той рѣчки отъѣхали съ версту и ночевали.

Въ 12 день, по утру рано поднялся весь обозъ и пошелъ

въ путь. Перешли половину пути отъ Царицына и ночевали у рѣчки Паншинки, у урочища Крачи, а пришли къ той рѣчкѣ въ первомъ часу ночи. Въ 13 день, въ 9 часу въ полночь тое рѣчку урочища Крачи перешли и пошли въ путь все войско, въ 1 часу ночи перешли тое жъ Паншинку рѣчку, промежъ ихъ мѣрою сказывали верстъ 12. Не дошедъ Паншина верстъ съ 6, и перешедъ ночевали. Въ 14 день, въ 8 часу дни пошли въ путь все войско, въ Паншинъ пришли послѣ полденъ во 2 часу дни жъ, и ночевали и перебрались въ суды. Въ 15 день, у Паншина города ночевали съ луговой стороны, а городокъ на правой сторонѣ на острову, деревяннымъ тыномъ огороженъ, а тотъ островъ, сказываютъ, мѣрою 15 верстъ. Въ 19 день, въ 12 часу Дономъ пошли въ путь и проѣхали городокъ Паншинъ, стоитъ на острову на правой сторонѣ. Въ 2 часу ночи проѣхали городокъ Голубые, стоитъ на нагорной сторонѣ. на берегу на ровномъ мѣстѣ, огороженъ тыномъ.

Въ Книгѣ Большого Чертежа (Спасскій, 52) въ 1600 г. говорится: „а ниже рѣки Кешени (по 10 вер. картѣ Тишанка), пала въ Донъ рѣка Паншина, течетъ отъ той же рѣки Балыклеи, протоку 70 верстъ. А отъ усть рѣки Паншины, близко отъ Дона, вытекла рѣка Царица, и потекла къ рѣкѣ къ Волгѣ, пала въ Волгу противу Царицына острова, а на острову стоялъ Царицынъ градъ“. Эта рѣка Паншина на 10 вер. картѣ названа Сакарка, не есть ли это отзвукъ Саркела? А этотъ Паншинъ городъ не Саркелъ ли? И не древній ли Гелонъ? Забѣлинъ указываетъ Гелонъ на мѣстѣ бывшаго города Увека, пониже Саратова, подкрѣпляя это названіемъ Еланъ, Еланское, нѣсколькихъ рѣкъ и селеній. Но мы болѣе склонны Гелонъ отнести къ Саркелу, ввиду его дѣйствительно важнаго положенія на пути изъ Дона въ Волгу, и если отъ верховьевъ Сакарки направиться прямо на сѣверо-востокъ, то на Волгѣ найдемъ однозвучное съ Гелономъ селеніе Олени, о которомъ въ вышеприведенномъ журналѣ Петра Великаго, подъ 5-мъ днемъ іюня, сказано: „въ 6 часу ночи вполы стали на якорь, для великой погоды, противъ Аленей Луки“. Слѣдовательно названіе Гелонъ, Елань, Олень встрѣчается и здѣсь. Относительно имени

„Гелонъ“ не надо забывать, что у калмыковъ жрецы называются „гелюнги“.

Въ нашей лѣтописи говорится подъ 965 годомъ: „иде Святославъ на козары. Слышавше же козаре, изыдоша противу съ княземъ своимъ каганомъ, и вступишася бити, и бывши брани межи ими, одолѣ Святославъ козаромъ и городъ ихъ Бѣлувежю взя. И ясы побѣди и касогы, и приде къ Кіеву“ Хвольсонъ (Извѣстія, 45) говоритъ, что Саркелъ по Константину Багрян. значитъ бѣлый городъ (Карамзинъ, I, прим. 387), и слѣдовательно то же, что русская Вѣжа, а у Кедрина находится извѣстіе, что хозаре около 834 г. построили себѣ на Дону крѣпость Саркелъ для того, чтобы она служила имъ оплотомъ противъ печенеговъ. Существуетъ также мнѣніе (Карамзинъ, I, прим. 387), что взятая Святославомъ Бѣлая Вѣжа могла быть Бѣлою Вѣжою, находящеюся нынѣ въ верховьяхъ рѣки Остера, между Нѣжинымъ и Ромнами, гдѣ будто бы сохранились валы и даже остатки каменныхъ стѣнъ и башень (Книга Бол. Чер., 253).

Съ другой стороны эта Бѣла-Вѣжа можетъ напоминать, какъ мы говоримъ въ главѣ VIII о походѣ на даковъ, Балловиту около Гатцека, древней Зермигетузы.

Такимъ образомъ, для объясненія скифскаго похода Дарія, желательно обратить вниманіе военнаго міра на древній валъ между Дономъ и Волгою, на путь между ними, на рѣку Сакарку, на Паншинъ, и за одно на Бѣлую Вѣжу въ верховьяхъ Остера.

ГЛАВА XIV.

Александровы и Кесаревы жертвенники и Донская бесѣда.

(Орловская, Воронежская и Тамбовская губ.).

На картѣ Птолемея, на параллели верхняго и средняго теченія Дона показаны Александровы и Кесаревы жертвенники (Кулаковскій, изд. 1899 г.). Забѣлинъ, въ Исторіи русской жизни (1,283), говоритъ: какъ извѣстно, Птолемеевы градусы рѣдко сходятся съ теперешними, но въ настоящемъ случаѣ очень любопытно показаніе разстоянія жертвенника отъ истока рѣки на одинъ градусъ, что совпадаетъ съ показаніемъ и нашихъ картъ, а именно: у Птолемея истокъ Дона 64 д. 58 ш., жертвенникъ Александра 63 д. 57 ш., по нашей картѣ Иванъ-озеро 56 д. 54 ш., впаденіе Сосны Быстрой, гдѣ загадочная „Донская бесѣда“, а при Тихой Соснѣ „столбы каменные бѣлые“.

Желательно было бы выяснить эти предметы и ихъ военное значеніе.

Вотъ данныя для розыска:

Въ географіи Птолемея (кн. III, гл. 5, § 26) показаны Александровы алтари подъ 63 д. 57 ш., Кесаревы алтари подъ 68 д. 56 ½ ш.

На Эбсторфской картѣ XIII вѣка показаны три алтаря Александра Великаго въ видѣ трехъ столбовъ, двухъ зеленыхъ, третьяго средняго голубоватаго, на каждомъ бѣлая чаша съ пылающимъ пламенемъ. Подъ столбами подпись „алтари Александра Великаго въ предѣлахъ Робаскорумъ“.

Миллеръ, въ своихъ изданіяхъ древнихъ картъ (IV, 26, V, 24), признаетъ, что большинство составителей помѣщаетъ алтари на Дону, и что „робаски“ скифская народность. Около алтерей Александра на Эбсторфской картѣ показанъ городъ (Миллеръ, V, 25) „Стралисъ городъ римскій“. Миллеръ указываетъ на Софію или Средецъ, франкское имя котораго Стралицъ.

Несмотря на невѣроятность допустить походъ Александра Македонскаго въ нынѣшнюю Россію, все же нельзя упускать изъ виду и существующихъ преданій, собранныхъ у Вяземскаго, въ его Замѣчаніяхъ на Слово о полку Игоревѣ (стр. 235, 237), съ приведеніемъ выписокъ изъ поэмы Низами о нападеніи русовъ на Дербентъ, о чемъ узналъ Александръ. Кромѣ того Латышевъ, Ольвія (стр. 63), разсматриваетъ походъ Зопиріона въ Скифію, по окончаніи гетскаго похода Александра въ 334 г., для того, чтобы держать въ страхѣ покоренные сѣверные народы.

Въ описаніи путешествія діакона Игнатія съ митрополитомъ Пименомъ въ 1389 г. (Сахаровъ, Сказанія II, 98), на пути по Дону внизъ, „приплыхомъ къ Тихой Соснѣ, и видѣхомъ столбы каменны бѣлы, дивно же и красно стоятъ рядомъ яко стози малы, бѣлы жъ и свѣтлы зѣло надъ рѣкою надъ Сосною“.

Въ Книгѣ Большаго Чертежа (стр. 44, 45 и 240), говорится: „а ниже устья Сосны, на Дону, Донская бесѣда, каменной столпъ и каменныя суды“, „а ниже устья рѣки Сосны, и ниже Донскія бесѣды, съ нагайской страны верстъ съ 10 впалъ въ Донъ Студенокъ кладязь. А ниже Студенка кладязя верстъ съ 15 съ нагайской страны, пала въ Донъ рѣчка Рѣпецъ. А съ крымской страны, ниже Рѣпца верстъ съ 5 пала въ Донъ рѣка Снова, а Снова вытекла отъ верха рѣчки Олыми“, „А ниже Лебедяни, верстъ съ 8, пала въ Донъ рѣка Быстрая Меча, на усть рѣки Мечи съ вышнія страны Волотова могила“. По Географическому Словарю Щекатова видно, что на Тихой Соснѣ есть нѣкоторые памятники древности, что „при устьѣ Тихой Сосны видны еще и поднесь, высѣченныя въ мѣловомъ

камнѣ монашескія и прежнихъ вѣковъ пустынножителей кельи".

Судя по 10-ти верстовой картѣ, листъ 59, на пространствѣ между городами Лебедянью и Задонскомъ находятся: село Волотово, Виры, Обѣдище, вѣроятно Обѣтище, Ниж. Студенецъ (Патріаршее). Вотъ изслѣдованіе этой мѣстности представляло бы большой интересъ, тѣмъ болѣе что черезъ эту мѣстность произошло въ 1380 г. нашествіе Мамая, о чемъ говоритъ „Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ вел. кн. Димитрія Ивановича Донскаго" (Рус. Истор. Сб. Погодина, 1838 г., т. Ш), указывающее Кузмину гать и Гусинъ бродъ.

ГЛАВА XV.

Тактика Арріана (конные геты въ составѣ римскихъ войскъ).

(Съ чертежемъ)

Выше, въ главѣ I, мы уже говорили о диспозиціи Арріана. Она напечатана у Guischardt, Memoires militaires sur les Grecs et les Romains. La Haye (Гага). 1758. Это сочиненіе заслужило отзывъ Фридриха Великаго. На стран. 107—156 помѣщенъ переводъ съ греческаго тактики Арріана вмѣстѣ съ отрывкомъ его диспозиціи противъ алановъ. Арріанъ дѣйствовалъ въ 160—180 г. по Р. Хр. Ниже, мы приводимъ переводъ отрывка его диспозиціи, составленной для римской арміи, дѣйствовавшей въ такой мѣстности, какъ наши степи. Приложенный Гишаромъ чертежъ показываетъ римскую армію, опирающуюся своими крыльями на два кургана. Невольно наша мысль переходитъ на два Перепетовыхъ кургана, о которыхъ мы говоримъ въ описаніи битвы на Рутѣ въ 1151 г., въ главѣ II. Фронтъ римлянъ соотвѣтствуетъ промежутку между курганами.

Приказъ Адріана для движенія и построенія боевого порядка противъ алановъ.

Вся армія составляетъ одну только колонну. Въ головѣ этой колонны идетъ развѣдывательная конница. Она идетъ по турмамъ, въ двѣ шеренги, каждая изъ 16 чел. „За ней слѣдуютъ въ такомъ же строѣ конные стрѣлки, и полкъ иса-

врійской конницы. За ними идутъ эскадроны колонійцевъ, руановъ, подъ начальствомъ Дафна Коринфянина, итурійцы, кирены и реты, слѣдующіе въ томъ же порядкѣ какъ наименованы. Всѣ эти части подъ начальствомъ Деметрія.

Затѣмъ идетъ гальская конница, построенная также въ турмы и въ двѣ шеренги. Она состоитъ подъ начальствомъ того же офицера какъ и въ лагерѣ. Весь отрядъ армянскихъ пѣшихъ стрѣлковъ идетъ за нею. Затѣмъ слѣдуетъ половина союзной пѣхоты, какъ тяжеловооруженной, такъ и легкой, состоящей изъ итальянцевъ, киренцевъ, босфорцевъ, подъ начальствомъ Лампрокла, нумидійцевъ, подъ начальствомъ Вера, слѣдующихъ въ порядкѣ наименованія. Впереди этой пѣхоты идутъ ея знамена, развернутыя и расположенныя по ротно въ четыре шеренги. Отрядъ конныхъ ахейцевъ охватываетъ съ обѣихъ сторонъ крылья этой пѣхоты, чтобы удержать людей въ рядахъ. Весь этотъ авангардъ находится подъ начальствомъ итальянскаго генерала Шюльхера.

Римскія войска образуютъ центръ колонны. Выборная конница идетъ въ головѣ, за нею турмы мужей. Затѣмъ весь обозъ катапультъ, и за нимъ роты легкой пѣхоты, состоящей при легіонахъ. Затѣмъ идетъ 15-й легіонъ, впереди него орелъ и командиръ Валепсъ. Начальникъ штаба, трибуны и капитаны 1-й когорты около генерала. Легіонъ идетъ по когортно, въ четыре шеренги, такъ же какъ 12-й легіонъ, который слѣдуетъ за нимъ, имѣя орла въ головѣ, съ трибунами, и капитанами первой когорты.

Аррьергардъ образуется другою половиною союзной пѣхоты, состоящею изъ армянъ, трапезундцевъ, тяжеловооруженныхъ, колховъ, копейщиковъ ризійцевъ, апланійцевъ, слѣдующихъ въ порядкѣ наименованія. Апланійскій генералъ Секулинъ командуетъ этимъ аррьергардомъ.

Тяжести слѣдуютъ непосредственно за арміею, и все движеніе замыкается *отрядомъ гетской конницы подъ начальствомъ своего илларха.*

Пѣхотные офицеры идутъ въ своихъ ротахъ справа и слѣва каждой шеренги. Два конныхъ отряда аласовъ и

итальянцевъ слѣдуютъ съ обоихъ боковъ пѣхоты, вытянутые въ колонну по одному.

Начальствующій генералъ Ксенофонъ не имѣетъ опредѣленнаго мѣста, онъ находится тамъ гдѣ нужно водворить порядокъ, или время отъ времени становится передъ легіонными орлами.

Когда армія подойдетъ къ мѣсту, гдѣ она должна построиться къ бою, то развѣдывательная конница выдвинется впередъ и расположится на всѣхъ окрестныхъ высотахъ, чтобы развѣдать о непріятелѣ. Тотчасъ же вся конница отдѣлится отъ колонны, и выдвинувшись впередъ и въ стороны, на мѣстность, указанную генераломъ, расположится, на дистанціяхъ, въ нѣсколькихъ отрядахъ квадратныхъ, и будетъ такъ стоять пока пѣхота не построится въ боевой порядокъ.

Тогда послѣдуетъ сигналъ, по которому солдаты приведутъ въ готовность свое вооруженіе. Наблюсти, чтобы это произошло безъ шуму и въ молчаніи. Вооруженные и вполнѣ приготовившіеся къ бою солдаты тогда построятся по шереножно и по рядамъ, и все приготовится къ бою.

На мѣстности, избранной генераломъ для встрѣчи противника, вправо и влѣво находятся два холма, поднимающіеся отлого на небольшую высоту. Пространство между холмами довольно гладко, и вся окрестность открыта.

Армія построится въ боевой порядокъ въ томъ же видѣ какъ она шла. Голова колонны образуетъ правое крыло, центръ колонны главныя силы, и хвостъ—лѣвое крыло.

Такимъ образомъ тѣ два отряда армянской легкой пѣхоты, цѣликомъ составленные изъ стрѣлковъ, и слѣдующіе въ головѣ и хвостѣ колонны, займутъ вершины обоихъ холмовъ справа и слѣва (см. на чертежѣ „1“). Когорта итальянской тяжелой пѣхоты, шедшая за армянами, построится на скатѣ высоты впереди или скорѣе ниже этихъ армянъ „2“. Итальянскій генералъ Пюльхеръ командуетъ этимъ правымъ крыломъ и имѣетъ подъ своимъ начальствомъ начальниковъ армянскихъ, Вазаца и Арбела, и конницу, которая

тамъ соберется. На лѣвомъ крылѣ другіе отряды легкой пѣхоты, трапезундцевъ, колховъ, ризійцевъ, копейщиковъ соберутся еще на холму къ армянамъ „3“.

Передъ ними, какъ и на правомъ крылѣ, будутъ апланійская тяжелая пѣхота „4“, поддерживающая ихъ, въ то время, какъ они пустятъ свои стрѣлы сверху на непріятеля и поверхъ ихъ головъ.

Оба легіона построятся въ пространствѣ между обоими холмами. Наиболѣе сильный изъ легіоновъ, 15-й, обопрется на правый холмъ, развернувшись къ нему отъ середины пространства „5“, а 12-й легіонъ заполнитъ интервалъ до лѣваго холма, простираясь насколько возможно за скаты холма „6“. Легіонеры построятся въ восемь шеренгъ и въ разомкнутомъ строю. Тѣ изъ нихъ, у кого дротики или пилумы, расположатся въ первыхъ четырехъ шеренгахъ, въ остальныхъ четырехъ станутъ пики (копья). Люди первой шеренги выставятъ свои пилумы при приближеніи непріятеля. Необходимо предупредить солдатъ держать остріе на высотѣ лошадиной груди. Шеренги вторая, третья, и четвертая держатъ пилумы въ готовности къ бросанію. Указать имъ на необходимость выжидать случая для удара, чтобы нанести пораженіе и всаднику и лошади. Пристроить еще девятую шеренгу изъ стрѣлковъ, составленную изъ нумидовъ, киреновъ, босфорцевъ и итуровъ.

Указать мѣста для машинъ на обоихъ холмахъ и позади всей арміи „7“, стрѣлять издалека на непріятеля.

Когда пѣхота такъ расположится, то всѣ конные стрѣлки отойдутъ за армію, и расположатся за легіонами, чтобы пускать стрѣлы поверхъ головъ „8“.

Вся остальная конница, люди которой вооружены разными копьями, саблями и топорами, образуетъ восемь отрядовъ. Изъ нихъ два отряда расположатся позади праваго холма, и другіе два позади лѣваго холма „9“. Они станутъ подъ угломъ, имѣя фронтъ къ боку. Четыре остальныхъ отряда образуютъ, на надлежащей дистанціи, линію позади легіоновъ „10“, и будутъ ожидать въ этомъ расположеніи дальнѣйшихъ распоряженій генерала.

Нѣсколько эскадроновъ выборной конницы, которые бу-

дутъ указаны, 200 чел. легіонной пѣхоты, обычная стража и приданные къ выборной конницѣ офицеры, будутъ сопровождать генерала. Онъ ими воспользуется какъ резервомъ при различныхъ случайностяхъ. Прислать еще сто человѣкъ легкой пѣхоты, для посылокъ.

Командиръ 15-го легіона, Валенсъ, начальствуетъ на правомъ крылѣ, лѣвое крыло будетъ подъ начальствомъ трибуновъ 12-го легіона. Когда всѣ выстроятся, то войскамъ предлагается стоять въ тишинѣ, пока непріятель не приблизится на разстояніе стрѣлы.

По сигналу, данному для военнаго крика, солдаты усилятъ голосъ какъ только могутъ. Машины въ это же время бросятъ тяжелыя стрѣлы и камни. Стрѣлки и всѣ стрѣляющіе люди осыплютъ непріятеля стрѣлами, дротиками и копьями, главнымъ образомъ тѣ, которые находятся на холмахъ. Едва ли непріятель устоитъ противъ сего, и мы можемъ надѣяться, что множество этихъ стрѣлъ причинитъ смятеніе и вредъ людямъ и лошадямъ, и заставитъ его потерять охоту и силы для дальнѣйшаго движенія.

Если же однако непріятель не лишится мужества для движенія впередъ своихъ эскадроновъ въ атаку на нашу тяжелую пѣхоту, то какъ только это будетъ замѣчено, то необходимо чтобы вторая и третья шеренги легіоновъ придвинулись къ первой, даже уперлись бы плечами, и такимъ образомъ выжидали бы удара конницы, выставивъ противъ лошадей остріе пилумовъ. Четвертая шеренга сильно броситъ пилумы на непріятеля, и солдаты слѣдующихъ шеренгъ пустятъ въ дѣло ихъ пики, которые они бросятъ противъ конницы черезъ головы другихъ. Невозможно допустить, чтобы непріятель не былъ отбитъ и не принужденъ отступить съ потерями и въ безпорядкѣ.

Когда же увидятъ, что непріятель начинаетъ бѣгство, тогда легіоны разомкнутся, конница пройдетъ черезъ промежутки передъ фронтъ, и раздѣлится тамъ на двѣ части. Такъ какъ восемь отрядовъ, расположенныхъ позади линіи боевой, каждый въ 8 эскадроновъ, то только первымъ четыремъ эскадронамъ каждаго отряда слѣдуетъ отдѣлиться и преслѣдовать непріятеля достаточно живо, тогда какъ дру-

гая половина преслѣдуетъ ихъ медленнѣе, и вполнѣ сохраняя свой строй, чтобы въ случаѣ надобности ихъ поддержать, если скифы повернутся противъ нихъ, и смѣнить передніе эскадроны, когда тѣ утомятся. Въ то время, какъ конница двинется, армянскіе стрѣлки и остальные стрѣляющіе люди спустятся съ холмовъ, и постараются быть въ постоянной готовности вмѣстѣ съ конницею, пустить стрѣлы, чтобы не дать непріятелю возможности оправиться. Вся легіонная пѣхота также двинется впередъ, и слѣдуя ускоренным шагомъ, она идетъ за легкими войсками, на тотъ случай, если бы непріятельская конница, противъ всякаго ожиданія, успѣла бы собраться и устроиться до возможности заставить нашу отступить, то наша легіонная пѣхота могла бы поддержать нашу конницу, и дать ей возможность оправиться.

Все это произойдетъ въ случаѣ поспѣшнаго бѣгства непріятеля. Но если замѣтятъ, что скифская конница отходитъ назадъ, встрѣтивъ эту тучу стрѣлъ, и что вмѣсто того, чтобы направиться на легіоны, она выкажетъ намѣреніе обогнуть крылья и напасть на тылъ арміи, въ этомъ случаѣ я не желаю, чтобы со стороны легіоновъ послѣдовало хотя бы малѣйшее движеніе съ цѣлью продвинуться на крылья. Извѣстно изъ опыта, что этотъ маневръ поведетъ только къ разрыву и опрокидыванію этой пѣхоты, въ одно мгновеніе. Напротивъ, отбитіе атаки возлагается на конницу, которой будетъ достаточно для отраженія непріятеля. Въ этомъ случаѣ необходимо наблюдать съ какой стороны скифы угрожаютъ обойдти крылья, чтобы дать сигналъ стоящимъ за легіонами турмамъ двинуться и присоединиться къ тѣмъ двумъ отрядамъ, которые съ самаго начала стоятъ за крыльями, и образовать съ ними линію подъ угломъ.

Такъ какъ скифы, обходя фланги, принуждены будутъ подставить свои фланги, то я хочу, чтобы наша конница, въ это время, напала внезапно на нихъ съ саблями и топорами, не развлекаясь стрѣльбой. Такъ какъ скифы голы, также какъ и ихъ лошади"...

Здѣсь прерывается приказъ для боя. Изъ него мы ясно

видимъ, какъ въ древнее время устанавливалось взаимодѣйствіе пѣхоты, конницы и тогдашней артиллеріи.

Гишаръ (стр. 104) приводитъ отрывокъ Урбиціуса, жившаго въ началѣ VI вѣка, при императорѣ Анастасіѣ. Въ этомъ отрывкѣ предлагается прикрывать пѣхоту отъ варварской конницы рогатками.

ГЛАВА XVI.

Походъ Яровита въ Галлію въ 58 г. до Р. Хр.

Матеріалъ для описанія этого похода имѣется въ составленной Наполеономъ III исторіи Юлія Цезаря (Histoire de Jules César. Paris. 1866), въ очень обстоятельномъ къ ней разъясненіи и дополненіи полковника Стоффеля (Stoffel. Guerre de César et d'Arioviste. Paris. 1890), и въ солидномъ трудѣ Богуславскаго о славянщинѣ, съ объясненіемъ народностей, участвовавшихъ въ походѣ Яровита (Boguslawski Dzieje Slowianszczyzny polnocno-zachodniej do polowy XIII w Poznan. 1887).

Яровитъ римлянами назывался Аріовистомъ и былъ королемъ свевовъ или славянъ. Онъ вторгнулся за Рейнъ, въ Галлію, и въ сраженіи около Кольмара въ 58 г. до Р. Хр., былъ разбитъ Юліемъ Цезаремъ.

Подробно описанное Стоффелемъ, это сраженіе отчетливо рисуетъ намъ боевой порядокъ и тактику славянъ. Только отличная дисциплина римлянъ и талантъ Цезаря сломили рать Яровита, причемъ силы противниковъ были почти равны, до 40.000 чел. на каждой сторонѣ. Славяне носили короткую одежду, шкурами покрывали голову и плечи, вооруженіе состояло изъ длиннаго меча, пики, копья и длиннаго и широкаго щита. Построены они были въ семь корпусовъ по племенамъ: харудовъ, маркомановъ, славянъ, трибоковъ, вангіоновъ, неметовъ, седузіевъ. Въ каждомъ корпусѣ образованы фланги по 300 чел., причемъ первая шеренга держала передъ собою щиты, а слѣдующія держали

щиты надъ ея и своими головами. Много усилій потребовалось для римлянъ, чтобы преодолѣть такое закрытіе.

Передъ сраженіемъ Яровитъ маневрировалъ, чтобы отрѣзать Цезаря отъ сообщеній. Отмѣтимъ требованіе Яровита, чтобы свиданіе Цезаря съ нимъ происходило на коняхъ. Какъ мы знаемъ, того же требовалъ и Аттила, тоже происходило и у нашихъ князей въ лѣтописный уже періодъ.

Относительно возможности для славянъ участвовать въ этомъ походѣ, мы, кромѣ свидѣтельствъ Богуславскаго, прибавимъ, что, по древнимъ извѣстіямъ, хатты населяли верховья р. Везера, а въ нихъ мы находимъ города Готу и близко отъ нея Герстунгу, стоящую на той же рѣкѣ, на которой и Брейтинга. Въ Венгріи на р. Берзавѣ мы находимъ Гаттаю и Гертеніесъ. Сопоставимъ Готу и Гаттаю, Герстунгу и Гертеніесъ, Брейтингу, Брейзингу съ Берзавой, Хаттовъ съ Гатцегомъ, и мы не будемъ далеки отъ признанія славянства хаттовъ, скорѣе гетовъ.

Желающихъ ознакомиться съ походомъ Яровита мы отсылаемъ къ труду Стоффеля. Наша цѣль—лишь показать насколько древне славянское военное искусство.

ГЛАВА XVI.

О мечахъ и о клеймахъ на холодномъ оружіи.

Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ упоминается о мечахъ харалужныхъ, въ сказкахъ говорится о мечѣ кладенцѣ, арабскій писатель указываетъ, что у Руси, живущей на островѣ (вѣроятно, въ Тмутараканѣ), мечи „соломоновы“ (Хвольсонъ, 37). Скифы почитали священною вещью родъ какого-то меча, который персы и скифы называли „акинаки“ (Ашикъ, 1, 28). Геродотъ въ книгѣ VII, говоритъ про персидскій мечъ, называемый у персовъ „аканикесъ“. Арабскій писатель второй половины IX вѣка говоритъ: „что же касается до русскихъ купцовъ, принадлежащихъ къ славянамъ, то они изъ отдаленнѣйшихъ славянскихъ странъ привозятъ бобровые мѣха, мѣха черныхъ лисицъ и мечи къ берегу Румскаго моря (Чернаго), гдѣ они даютъ десятую часть византійскому императору“ (Хвольсонъ, 519).

Эти наименованія *„харалужный“*, *„кладенецъ“*, *„соломоновы“*, *„акинаки“*, до сихъ поръ пока удовлетворительно не объяснены. Попытки къ этому сдѣланы Савваитовымъ, Хвольсономъ, Вельтманомъ. Савваитовъ, стр. 160, харалугъ объясняетъ по джагатайски каралукъ, по персидски пуладъ, по русски булатъ, сталь, къ чему сближаетъ и слово укладъ или кладенецъ. Хвольсонъ, стр. 196, „соломоновы“ объясняетъ производствомъ отъ сельманскихъ, сулеймановыхъ, которые походили на франкскіе, и что по Ибнъ-Фезлану, мечи русовъ были широки, волнообразно отточены и дѣйствительно франкской работы. Не можемъ ли мы сблизить

слова „кладенецъ“ и „акинаки» съ литовскими „калдинти“, ковать, выковывать, и „акинаки“ съ „акингазъ“, многоглазый (хотя Геродотъ говоритъ, что это персидское слово), оба приближаются къ булату.

Для занимающихся изслѣдованіями по оружію необходимо знать оружейныя клейма. Въ этомъ отношеніи можно указать на трудъ Винклера: Оружіе. Руководство къ исторіи, описанію и изображенію ручнаго оружія съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX вѣка. Спб. 1894, гдѣ на стр. 263 описаны оружейныя клейма или марки.

Слѣдуетъ отмѣтить труды Бѣляева, О булатахъ, съ приложеніемъ историческихъ свѣдѣній о булатѣ въ Россіи, В. Ф. Желѣзнова, и Описанія коллекціи восточнаго оружія Д. К. Чернова, принесенной имъ въ даръ Мих. Арт. Академіи. Спб. 1906; и В. Желѣзнова, Оружіе русскихъ въ допетровскій періодъ, въ „Военномъ Сборникѣ“, 1903, № 12.

ГЛАВА XVIII.

Египетская мумія съ надписью на русско-литовскомъ языкѣ.

Въ Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien 1892, Band 41, помѣщено изслѣдованіе Krall-Die etruskischen Mumienbinden des Agramer National-Museums. Въ немъ говорится о молодой женской муміи, найденной въ Мизирѣ (въ Египтѣ), и на снятыхъ съ которой полотняныхъ лентахъ открыты надписи. Прилагая фотографическіе снимки съ этихъ лентъ, Кралль предполагаетъ что эти надписи сдѣланы на этрусскомъ языкѣ. Существуетъ мнѣніе, что этрусскій языкъ — славянскій (см. у Кралль, стр. 61). Мы взяли случайно одну строку надписи (Columne VIII) и, примѣняясь къ литовскому словарю, читаемъ:

1) На лентѣ написано:

dezine. ruze. nuzlxne. zati. zaltxne.

2) Съ литовскаго на русскій:

десница гнѣвъ. унижать. обѣщаніе. юности.

3) осмысливъ, выходитъ:

„десница Гнѣва уничтожитъ надежды юности“.

Случайность ли это? Или городъ Мизира былъ городомъ насельниковъ, купцовъ изъ Мизіи, гето-даковъ гет-русовъ (см. выше, главу VIII).

ГЛАВА XIX.

Древняя артиллерія.

Въ лѣтописный періодъ русской военной исторіи мы впервые могли бы встрѣтить указаніе на тяжелыя метательныя машины при трехлѣтней осадѣ Свенельдомъ, воеводою Игоря, города уличей Пересѣчена въ 914 г., и въ 988 г. при осадѣ Владиміромъ Святымъ Корсуня. Но здѣсь наша лѣтопись совершенно молчитъ о какихъ-либо осадныхъ средствахъ.

Лишь Левъ діаконъ разсказываетъ, что когда Святославъ, будучи разбитъ Цимисхіемъ, заключился въ Доростолѣ, то греки, дѣлая на другой день приступъ, были отражаемы стрѣлами и камнями изъ метательныхъ орудій (Бранденбургъ, 17). Въ Іоакимовой лѣтописи передается случай, около 991 г., что когда новгородцы услышали о приближеніи Добрыни, шедшаго крестить ихъ, то собравъ вѣче, поклялись всѣ непускать его въ городъ, и выступили съ оружіемъ въ рукахъ, притомъ вывезли двѣ камнестрѣльныя машины и поставили ихъ на мосту.

Въ 1065 г. князь полотскій Всеславъ, со многими силами, пришелъ къ Пскову, и много тружався со многими замышленіи, и пороками шибавъ, отъиде ничтоже успѣвъ. Въ 1067 г. тотъ же Всеславъ захватилъ Новгородъ, какъ говоритъ Слово о полку Игоревѣ: „утръ же возни съ три кусы (или „вознзъ изъ три кусы“, или „стрикусы“), оттвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу (т. е. соборъ св. Софіи)“. Здѣсь можно понять, что Всеславъ привезъ съ собою три

кусы или куша, какое слово въ смыслѣ самострѣла и до нынѣ сохранилось въ польскомъ языкѣ, или „стрикусы“, т. е. на литовскомъ языкѣ, „стрипасъ“, бросаемое во что-нибудь полѣно, или „стріукасъ“ короткій, т. е. колъ, кольями разбилъ, вонзилъ, ворота.

Въ 1185 г. пришелъ на Русь Кончакъ на р. Хороль, но при подходѣ русскихъ князей бѣжалъ, причемъ нами захваченъ „бесерменинъ“, „у него же бяшетъ живый огнь, то того ко Святославу приведоша со устроеннымъ огнемъ“, „чтобы плѣнити грады и пожещи огнемъ, обрѣлъ бо (Кончакъ) мужа таковаго бесурменина, иже стрѣляше живымъ огнемъ, были у нихъ луци тузи самострѣльніи, одва 50 мужь можашеть напрещи“. Слово о полку Игоревѣ говоритъ, очевидно про этотъ случай: „поскочи по руской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ“, „ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы“. Татищевъ (стр. 259) говоритъ, что лукъ былъ на возу великомъ и бросалъ каменью въ подъемъ человѣку. Для метанія огня былъ особый малый, но хитро сдѣланный. Гарди-де-Перини (1, 265) говоритъ о греческомъ огнѣ, изобрѣтенномъ въ 668 г. и упоминаемомъ Анною Комненъ въ 1106 г. при осадѣ Дураццо. Въ 1249 г., при осадѣ Дамьеты, крестоносцы были поражены брошенною сарацинами бомбою, крестоносцы пали на колѣни, моля Бога. Сарацины бросали или посредствомъ большихъ балистъ или посредствомъ малыхъ, имѣвшихъ видъ лука на колесахъ. На барельефѣ колонны Траяна изображено нѣсколько такихъ машинъ. Очевидецъ полета греческаго огня при осадѣ Дамьеты, говоритъ, что огонь летѣлъ, оставляя за собою хвостъ длиною съ пику. Отсюда можно заключить, что авторъ „Слова о полку“ подъ живою шереширою понимаетъ сариссу или пику съ огнемъ, а подъ смагой въ пламянномъ рогѣ—горящая смола въ рогѣ. Въ 1221 г. при осадѣ Нишабура ханомъ Тулуемъ было заготовлено 300 катапультъ, 700 машинъ для бросанія горшковъ съ зажженою нефтью, 3,000 балистъ и 2,500 вьюковъ камней къ катапультамъ. Въ 1241 г. Батый, вторгнувшись въ Венгрію, помощью катапультъ успѣлъ овладѣть мостомъ черезъ рѣку Сайо.

Вопросы о древнихъ машинахъ разработаны въ сочиненіи Наполеона III, исторіи артиллеріи, причемъ онъ не останавливался передъ воспроизведеніемъ древнихъ машинъ и древняго вооруженія, чтобы убѣдиться въ дѣйствіи и цѣлесообразности ихъ. Достаточно полно это очерчено въ трудѣ Бранденбурга, Историческій каталогъ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго Музея, Спб. 1877 г.

ГЛАВА XX.

О курганахъ и городкахъ.

Въ слѣдующемъ выпускѣ нашего Сборника мы опишемъ видѣнные нами въ Рязанской губерніи курганы и городки. Здѣсь же желаемъ лишь указать на трудъ Ляскоронскаго, Городища, курганы и длинные (зміевые) валы, въ бассейнѣ р. Сулы, Москва, 1901 г., въ которомъ помѣщены чертежи 40 городищъ; и на сочиненіе 1848 г. Фундуклея, обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, въ которомъ изображено много кургановъ или могилъ и городковъ. Изслѣдованіе и оцѣнка ихъ съ военной точки зрѣнія должна дать многія указанія на военное искусство нашихъ предковъ.

ГЛАВА XXI.

Ольвія и Корсунь.

Древнія греческія колоніи Ольвія и Корсунь тѣсно привязаны къ нашей военной исторіи. Первая, остатки которой лежатъ на правомъ берегу южнаго Буга, около Парутина и Ильинскаго, осаждалась дако-гетскимъ, а по нашему (см. главу VIII) древне-русскимъ, царемъ Беребистою или Перепетомъ, а затѣмъ, вѣроятно, во времена Игоря, была три года осаждена, подъ именемъ Пересѣчена, воеводою Свенельдомъ. Второй осаждался Владиміромъ Святымъ, и носилъ имя еще Херсонеса.

Вотъ изслѣдованіе обоихъ этихъ пунктовъ съ военной точки зрѣнія, на самомъ мѣстѣ, составитъ вкладъ въ исторію нашего искусства.

ГЛАВА XXII.

Босфоръ Киммерійскій, нынѣ Керченскій проливъ.

Страбонъ, въ своей географіи (Мищенко, стр. 309 и 312), разсказываетъ: „силу замерзанія однако лучше всего можно понять изъ того, что бываетъ около устья Меотиды: изъ Пантикапеи въ Фанагорію, напр., легко переѣзжаютъ по льду повозки, и каналъ превращается такимъ образомъ въ сухой путь“; „на этомъ же мѣстѣ, говорятъ, Неоптолемъ, предводитель Митридата, лѣтомъ разбилъ варваровъ въ морскомъ сраженіи, а зимою въ конномъ“.

Въ царствованіе Екатерины II найденъ между развалинами древняго Тмутороканя или Фанагоріи, мраморный камень съ надписью:

„Въ лѣто 6576 (1068), индикта 6, Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тъмуторокана до Кърчева, 8054 (по инымъ чтеніямъ: 14000) саже“.

Надпись эта даетъ поводъ думать, что городъ Крчевъ, нынѣ Керчь, построенъ на развалинахъ Пантикапеи. Надпись уничтожила также всѣ ученыя гипотезы относительно мѣстоположенія Тмутраканскаго княжества (Карамзинъ, II, прим. стр. 71, и Ашикъ, I, 19). Страбонъ говоритъ: „входъ въ Меотиду называется Киммерійскимъ Боспоромъ, начало его довольно широко, именно 70 стадій“. „По этому устью переправляются обыкновенно изъ окрестностей Пантикапеи въ ближайшій городъ Азіи, Фанагорію. Заканчивается устье гораздо болѣе узкимъ проливомъ“. „Если вплывать въ Киммерійскій Боспоръ, то на лѣвой сторонѣ лежитъ горо-

докъ Мирмекій въ 20 стадіяхъ отъ Пантикапеи. Вдвое дальше отстоитъ отъ Мирмекія деревня Парфеній, къ которой приходится плыть по самой узкой части пролива на пространствѣ около 20 стадій, противъ этой части пролива лежитъ въ Азіи деревня, называемая Ахиллеемъ".

Вообще, это Босфорское царство, называемое словомъ о полку Игоревомъ „землею Траяна", т. е. землею римскою, составляло второй пунктъ соприкосновенія Руси съ римскою культурою; первымъ пунктомъ была завоеванная Траяномъ дако-гетская земля, нынѣшняя Трансильванія.

ГЛАВА XXIII.

Галичкіе походы.

Если провести линію отъ Бреста-Литовскаго на Ярославъ, Пряшевъ, Мишковецъ, а оттуда на Черновицы, Каменецъ-Подольскъ къ Кіеву, то эта вся страна была поприщемъ походовъ галичкихъ и кіевскихъ князей. Эти походы, главнымъ образомъ, изложены въ такъ называемомъ Ипатскомъ (Волынскомъ) спискѣ русской лѣтописи. И по нынѣ эта страна населена русью, и только условная австрійская граница пріучила насъ считать, что Кіевъ отдѣленъ отъ Галича какою-то стѣною. Изученіе галичкихъ полей сраженій должно быть отнесено къ отдѣлу русскаго военнаго искусства.

ГЛАВА XXIV.

Планъ войны Василія или Василько Ростиславича, въ 1097 г.

И се рекохъ въ умѣ своемъ: оже ми будутъ берендичи и торци и печенѣзи, и реку брату своему Володареви и Давыдови: дайта ми дружину свою моложьшюю, а сама пійта и веселитася. И помыслихъ на землю Лядьскую: наступлю на зиму и на лѣто, и возму землю Лядьскую и мщу землю Руськую. И по семъ хотѣлъ есмь переяти болгары дунайскыя и посадити ихъ у себѣ. По семъ хотяхъ проситися у Святополка и у Володимера на половцѣ, и пойду, рекъ, на половцѣ, да любо налѣзу себѣ славу, любо главу свою сложу за Руськую землю. (Ипат. 174).

КОНЕЦЪ I-го ВЫПУСКА.

Инв 14998

Оглавленіе выпуска I.

Стр.

Предисловіе 4
Введеніе 6
Глава. I. Набросокъ о древнемъ русскомъ военномъ искусствѣ . . 8
II. Битва на рѣкѣ Рутѣ, 20 іюля 1151 г. (Кіевская губ.) . . . 26
III. Первая битва на рѣкѣ Липицѣ, 27 іюня 1177 г. (Владимирская губ.) 30
IV. Вторая битва на рѣкѣ Липицѣ, 21 апрѣля 1216 г. (Владимирская губ.) 32
V. Первая битва на рѣкѣ Колочкѣ, 7 марта 1097 г. (Владимирская губ.) 39
VI. Вторая битва на рѣкѣ Колочкѣ, 15 іюня 1176 г. (Владимирская губ.) 43
VII. Третья битва на рѣкѣ Колочкѣ, 28 февраля 1177 г. (Владимирская губ.) 44
VIII. О древнемъ русскомъ вооруженіи (походъ Траяна на даковъ) 46
IX. Готская пѣсня на русскомъ языкѣ 62
X. Военная часть поученія Владимира Мономаха. 65
XI. Военный опытъ въ русскихъ пословицахъ и выраженіяхъ 69
XII. Находки на поляхъ древнихъ сраженій 70
XIII. Къ походу Дарія Гистаспа въ Скифію, около 513 г. до Р. Хр. (Земля войска Донскаго и Астраханская и Саратовская губ.) 72
XIV. Александровы и Кесаревы жертвенники и Донская Бесѣда (Орловская, Воронежская и Тамбовская губ.) 75
XV. Тактика Арріана (въ составѣ римскихъ войскъ конные геты) 77
XVI. Походъ Яровита въ Галлію, въ 58 г. до Р. Хр. 83
XVII. О мечахъ и клеймахъ на холодномъ оружіи 85
XVIII. Египетская мумія съ надписью на русско-литовскомъ языкѣ 86
XIX. Древняя артиллерія 87
XX. О курганахъ и городкахъ. 89
XXI. Ольвія и Корсунь 89
XXII. Босфоръ Киммерійскій, нынѣ Керченскій проливъ 90
XXIII. Галичкіе походы 91
XXIV. Планъ войны Василія или Василько Ростиславича, въ 1097 г. 102

Примѣчаніе. Чертежи къ этому выпуску и указатель источниковъ будутъ приложены къ одному изъ слѣдующихъ выпусковъ.

25 956